Зефиръ ему перо изъ крылъ своихъ самъ далъ:
Амуръ водилъ рукой: онъ Душеньку писалъ.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ВОЛЬНЫХЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Ипполита Ѳедоровича

БОГДАНОВИЧА.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ,

Въ точности напечатанное противъ перваго изданія.

Съ гравированными картинами.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. С. ВСЕВОЛОЖСКАГО.

1815.

Изданіе шестое печатано 1811 года съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Душенька, сїе прекрасное творенїе на нашемъ языкѣ, было при первомъ появленїи его въ свѣтъ столь благосклонно принято Публикою, что первое изданїе разошлось въ скоромъ времяни и Сочинитель осыпанъ былъ похвалами. Теперь естьли считать помѣщенную въ полномъ собранїи сочиненїй Г. Богдановича, изданномъ мною въ прошедшихъ 1809 и 1810 годахъ и напечатанную мною же особо въ 1811 году (которой все изданїе невыпущенное еще въ свѣтъ, кромѣ 12 или 15 экземпляровъ, у меня оставшихся и состоящее изъ 2000 экземпляровъ, истреблено пожаромъ при

нашествіи враговъ на Москву), издается Душенька седьмымъ изданіемъ, чего, какъ кажется, едвали о какой другой книгѣ на Рускомъ языкѣ, изключая только учебныхъ, сказать можно. Но о семъ послѣднемъ изданіи я за долгъ поставляю предварить Публику, что оно напечатано безъ поправокъ, сдѣланныхъ Авторомъ при второмъ и третьемъ изданіяхъ, а въ точности противъ перваго изданія 1783 году. Я здѣлалъ сіе по причинѣ, что многія особы находя сіи поправки не вездѣ удачными, желаютъ имѣть первое изданіе, а оно нынѣ сдѣлалось столь рѣдкимъ, что и весьма дорогою цѣною найти трудно. Я всегда желалъ издать сіе твореніе съ приличною ему типографическою роскошью, но недостатокъ здѣсь въ художникахъ не дозволялъ мнѣ исполнить моего желанія и нынѣ издавая его въ семъ видѣ, чувствую, что очень далеко не достигъ до своей

цѣли. У насъ нѣтъ Дидотовъ, Бервиковъ, Прюдомовъ; они безъ сомненія будутъ, а Душенька конечно доживетъ до того времяни и издана будетъ въ такомъ видѣ, котораго она достойна. Превосходные художники, желая снискать себѣ славу, непремѣнно воздвигнутъ когда нибудь сей памятникъ превосходному Поэту. Теперь же я здѣлалъ то, что могъ и чрезмѣрно буду доволенъ, если заслужу хотя малое одобреніе Публики.

П. Б.

K: 1. Cmp: 1.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ Боги спорили и гдѣ дрались герои;
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! я въ помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ свободной я слагаю.
Не лиры громкій звукъ, услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ пріятныхъ,
Подай мнѣ нѣжну мысль, и разумъ мой осмѣль
Коснуться щастія селеній благодатныхъ,
Гдѣ ты всегда безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
Гдѣ царствуютъ безъ скукъ веселости одни.
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,
Гдѣ Фебъ туманится и кроется отъ глазъ,
Яви потоки мнѣ чудесной Ипокрены;
Будь ты мой Аполлонъ и ты мой будь Парнасъ;
Содѣлай въ холодѣ щастливы перемѣны,
Яви всегдашнюю свою весну у насъ.

Съ тобою завсегда присутствуютъ Зефиры,
Бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ты, докучные Сатиры,
Хулы, и критики, и грусти, и бѣды;
Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды;
Веселья морщатся, Амуры плачутъ сиры.

О ты, пѣвецъ Боговъ,
Гомеръ, отецъ стиховъ,
Вездѣ умомъ богатыхъ,
И равныхъ и двойчатыхъ,
Прости вину мою,
Коль мѣрныхъ пѣсней я не строю;
Доволенъ мыслію простою,
По вольному стиховъ покрою,
На всякой образецъ крою,
И малой мѣры, и большія,
И часто риѳмы холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Отважно ставлю на концахъ.
А естьли отъ того устану,
Отважно и покойно стану,
Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ риѳмъ, иль просто въ прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою;
Но чтобъ въ часы забавъ, веселья и покоя,
Пріятно разсмѣялась Хлоя.

Издревле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли Душеньку и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.
Въ сей повѣсти они
Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили,
Перомъ ихъ, кажется, что Граціи водили,
Иль сами Граціи писали то одни;
Но естьли подражать ихъ слогу не возможно,
Могу поставить въ свѣтъ свидѣтелями ихъ,
Что въ вольныхъ я стихахъ моихъ,
Писалъ за ними въ слѣдъ исторію не ложно,
И точно то сказалъ, что люди знали въ старь.

Во древней Греціи, въ то время,
Когда размножилось по всюду Царско племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ былъ Царь,
И, естьли пожелалъ, былъ богъ, имѣлъ олтарь,
Межъ многими Царями
Одинъ отличенъ былъ
Числомъ военныхъ силъ,
Умомъ, лицомъ, кудрями,
Избыткомъ животовъ,
И хлѣба и скотовъ.
Бывали тамъ сосѣди,
И злы и хищны такъ, какъ волки иль медвѣди:
Извѣстенъ Ликаонъ,
Котораго писалъ исторію Назонъ;
Извѣстно гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,
За хищныя дѣла, и за кривые толки,
Изъ Греческихъ Царей разжалованъ былъ въ волки.

Но тотъ, о коемъ я хочу сказать теперь,
Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь:
Былъ обществу полезенъ,
И былъ Богамъ любезенъ;
Достойно награждалъ,
Достойно осуждалъ;
И естьли находилъ онъ въ людяхъ звѣрски души,
Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,
Инымъ коровій хвостъ, инымъ двѣ пары ногъ,
Инымъ верблюжій горбъ, инымъ бараній рогъ.
Отъ ѣдкой древности, котора все глотаетъ,
Архива дѣлъ его не вся сбережена;
Остатокъ правъ его, однако, почитаетъ
И самый поздный свѣтъ, по наши времена.
Завистливымъ велѣлъ безъ дѣла вѣкъ труждаться,
Чтобъ щастіе другихъ
Всегда крушило ихъ,
И не моглибъ они покоемъ наслаждаться;
Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,
На золото глядѣть,
И золотомъ прельщаться,
Но имъ не насыщаться;
Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,
И всѣмъ потомкамъ ихъ далъ въ казнь такуюжъ спѣсь,
Какая видима осталась и поднесь;
Велѣлъ, чтобъ міръ ни въ чемъ не вѣрилъ
Тому, кто льстилъ и лицемѣрилъ;
Клеветникамъ въ удѣлъ,
И доносителямъ неправды Государю
Вездѣ носить велѣлъ
Противнѣйшую харю,

Какая изъявлять клевещущикъ могла:
Такая видима была,
Не въ давномъ времени, въ Москвѣ на маскерадѣ,
Когда на Масленой, въ торжественномъ парадѣ,
Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.
И словомъ:
Въ своемъ уставѣ новомъ,
Велѣлъ, чтобъ всякіе злонравны чудаки,
Съ приличной надписью, носили колпаки,
По коимъ въ обществѣ ихъ люди узнавали,
И прочь отъ нихъ бѣжали.
По общимъ мнѣніямъ уставъ сей былъ не строгъ,
И нравился народу,
Который въ дѣло чтить не могъ
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали въ воду,
Какъ будто рыбій родъ,
По нѣскольку на всякой годъ.
Овидій, басенной исторіи писатель,
Который никогда неправды не сказалъ,
Овидій, общій нашъ и Греческій пріятель,
Подробно описалъ,
Какъ казни до сего у Грековъ были часты:
Преобращенные тогда въ быковъ Церасты,
Цекроповъ цѣлый родъ, за злобу и обманъ,
Во стадо обезьянъ;
Льстецы, за низость душъ, въ лягушки,
Непостоянные въ вертушки;
Болтливые въ сорокъ;
Жестокосердые во мраморный кусокъ;

Танталъ, Сизифъ и Иксіона,
За всяку злобу ихъ,
На вѣчной ссылкѣ у Плутона,
И множество другихъ,
Почли бы всѣ себѣ за милость и за ласки,
Когда бы только Царь,
Дурную въ свѣтѣ тварь,
Рядя въ дурные маски,
Наказывалъ стыдомъ.
Такая нова власть, безъ всякой строгой казни,
Держала всѣхъ въ боязни;
И добрый Царь притомъ,
Друзей изъ доброй воли
Откушать хлѣба соли
Зывалъ въ свой Царской домъ.

О естьлибъ ты, Гомеръ, проснулся!
Храня твоихъ героевъ честь,
Которы, забывая месть,
Любили часто пить и ѣсть,
Тыбъ, слыша стихъ мой, ужаснулся,
Что слабый будучи пѣвецъ,
Тебѣ дерзнулъ я, наконецъ,
Подобиться, стиховъ отецъ!
Возможноль изъявить достойно
Великолѣпіе пировъ
У Царскихъ Греческихъ Дворовъ,
О коихъ ты писалъ толь стройно?
Я только лишь могу сказать,
Что Царь любилъ себя казать,

Иныхъ хвалить, иныхъ тязать,
Поѣсть, попить, и послѣ спать.
А за такое хлѣбосольство,
И болѣе за добрый нравъ,
Отъ всѣхъ сосѣдственныхъ Державъ
Явилося къ нему посольство.
Особожъ онъ тогда былъ славенъ изъ Царей,
Имѣя въ домѣ трехъ прекрасныхъ дочерей;
Но солнце въ красотѣ своей,
Когда вселенну освѣщаетъ,
Луну и звѣзды помрачаетъ:
Подобно такъ была меньшая всѣхъ видней,
И старшихъ сестръ своихъ достоинства мрачила,
И розы красоту, и бѣлизну лилей,
И словомъ: ничего въ подобномъ видѣ ей
Природа никогда на свѣтѣ не явила.

Искать приличныхъ словъ
Къ тому, что въ множествѣ вѣковъ
Блистало толь отмѣнно,
Напрасно было бы, и былобъ дерзновенно.
Я только лишь скажу: меньшая Царска дочь,
Отъ коей многіе вздыхали день и ночь,
У Грековъ потому Психея называлась.
Въ языкахъ же другихъ, по толку мудрецовъ,
Слыла она Душа; при переводѣ словъ,
У Рускихъ Душенька она именовалась;
И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ названію ея приличнѣйшее слово,
Какое было ново,

Во славу Душенькѣ у насъ отъ тѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ,
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь въ своемъ законѣ,

Но часто похвала
Опаснѣй, чемъ хула.
Завистный міръ не любитъ,
Когда по всюду трубитъ
И рѣжетъ правду въ слухъ
Болтливая богиня Слава.
Чужая честь, чужія права
Завистливыхъ терзаютъ духъ.
Такая, Душенька, была твоя прослуга,
Когда весь міръ, и вся Цитерская округа,
Оставя древнее прекрасно божество,
Тебя едину обожали,
И всѣ къ тебѣ бѣжали
Твое умножить торжество.
Соперницы твоей не знала ты печали!

Веселій, смѣховъ, игръ соборъ,
Бѣжатъ толпою изъ Цитера;
Оставлена отъ всѣхъ Венера,
Куда ни обратитъ свой взоръ,
Не видитъ жертвъ и ѳиміамовъ;
Жрецы тогда стада пасли,
И множество Цитерскихъ храмовъ
Травой и лѣсомъ поросли;
Сады Богини сиротѣли,

И домъ являлъ опальный видъ;
Зефиры изрѣдка свистѣли:
Казалось ей, свистѣли въ стыдъ.
Непостоянные Амуры,
Изъ храма прелетая въ храмъ,
Къ унылой пустотѣ Натуры
Не возмогли привыкнуть тамъ.
Оттуда всѣ летѣть хотѣли,
И всѣ спорхнули, возлетѣли
За Душенькою въ новый путь,
Искать себѣ свободной нѣги,
Куда Зефиры стали дуть,
Куда текли небесны бѣги.
Оставшихъ малое число,
Крехтя подъ игомъ колесницы,
Скучающей своей Царицы,
Вездѣ унылость лишь несло.

Не въ долгомъ времени, по слухамъ самымъ вѣрнымъ,
Узнала наконецъ Богиня красоты,
Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ,
Причину вкругъ себя и скукъ и пустоты.
Хоть Душенька гнѣвить не мыслила Венеру,
Къ достоинствамъ Богинь имѣла должну вѣру,
И въ поступи своей всегда хранила мѣру,
Но вскорѣ всѣмъ хуламъ подвержена была.
Притомъ злорѣчивые духи,
О ней худые сѣя слухи,
Кривой давали толкъ на всѣ ея дѣла;
И кои милостей иль ждали, иль просили,
Во угожденіе Богинѣ доносили,

Что будто Душенька, въ досаду ей и въ зло,
Присвоила себѣ Цитерскихъ слугъ число;
И что кому угодно,
То каждый говорилъ на Душеньку свободно.
Но чтобы дѣломъ месть
Надъ нею произвесть,
Собравъ Венера ложь и всяку небылицу,
Велѣла на скоро въ дорожну колесницу
Шестнадцать почтовыхъ Зефировъ заложить.
Потомъ пустилась въ путь, Амура навѣстить.
Читатель самъ себѣ представитъ то удобно,
Просила ли его иль такъ, или подобно,
Пришедъ на Душеньку просить и доносить:

« Амуръ, Амуръ! вступись за честь мою и славу,
« Яви свой судъ, яви управу.
« Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слыхать:
« Простая смертная, ругаяся Богами,
« Не ставитъ ни во что твою безсмертну мать;
« Уже и нашими слугами
« Осмѣлилась повелѣвать,
« И въ областяхъ моихъ надъ мной торжествовать.
« Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,
« Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?
« За ней гоняся, отъ насъ отходятъ прочь
« Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры,
« И скоро Душенькѣ послушны будутъ міры.
« Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,
« И слышно что беретъ себѣ ее въ супруги;
« Гречанку наглую, едва ли Царску дочь,
« Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!

« Какой ты будешь Богъ, и гдѣ твой будетъ тронъ.
« Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,
« Который у тебя отыметъ лукъ и стрѣлы,
« И нагло покоритъ подвластны намъ предѣлы?
« Ты знаешь, дѣти всѣ Юпитеровы смѣлы:
« По волѣ ходятъ въ небеса,
« И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса.
« И можешь ли терпѣть, что Душенька собою,
« Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ страсть,
« Какую возжигать одинъ имѣлъ ты власть?
« Она давно уже смѣется надъ тобою,
« И ставитъ въ торжество себѣ мою напасть.
« За честь свою, за честь Венеры,
« Яви ты строгости примѣры;
« Содѣлай Душеньку нещастною во вѣкъ,
« Чтобы такой на ней женился человѣкъ,
« Который былъ бы всѣхъ душей и тѣломъ хуже;
« Чтобы она нашла себѣ тирана въ мужѣ,
« И мучилабъ себя
« Жестокаго любя;
Чтобы краса ея увяла,
« И чтобы я покойна стала. » —

Амуръ желалъ тогда пресѣчь
Сію просительную рѣчь.
Хотя онъ зналъ Венеры свойство
Всегда соперницъ клеветать,
Но долженъ былъ привесть въ спокойство
Свою озлобленную мать,
И былъ ей долженъ обѣщать
За дерзость Душеньку порядкомъ постращать.

То слыша, вкругъ его Амуры ужаснулись,
Весельи ахнули и смѣхи содрогнулись;
Одна Венера лишь довольна тѣмъ была,
Что гнѣвъ на Душеньку отъ сына навлекла:
Назначила отъѣздъ во островъ свой обратно,
Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно,
И, въ изъявленіе отмѣнна торжества,
Представила себя во славѣ божества.
Отставлена была воздушна колесница,
Которую везла крылатая станица,
Съ прохладнымъ роздыхомъ, порозжую назадъ.
Богиня древній свой устроила парадъ,
И, въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.

Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ Дворъ.
Узря Венеру, рѣзвы волны
Текутъ за ней весельемъ полны.
Тришоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ;
Иной вокругъ ея ныряетъ,
Продерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Жемчугъ ей ищетъ тамъ на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ;
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,

Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ,
И дерзостныхъ чудовищь давитъ;
Иной, съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верьхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Даетъ вездѣ приказы строги,
И, чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Предъ нею громко трубитъ въ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ Богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
Намѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ:
О, естьлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!
Но тщетно то Тритонъ желаетъ:
Изчезнетъ сей призракъ какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь нещастный пламень,
Которымъ втуне тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ Богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту,
И прохлаждаетъ жаркой лучь,
Пуская къ верьху водный ключь.
Сирены, сладкія пѣвицы,
Мѣжъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ея стараясь превознесть.

Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другіяжъ, красотамъ дивясь,
Подносятъ ей цвѣтошну вязь.
Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать,
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру могутъ лобызать.
Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время;
Какъ въ вѣяньи пшенично семя,
Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры древни наглецы;
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межъ тѣмъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ,
И съ ними, спутавшись, летитъ;
Другой, невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ,
Любовь ей на ухо свиститъ;
Иной, пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды,
И падаетъ безъ силъ средь водъ;
Другой въ уста и въ очи дуетъ,

И ихъ украдкою цѣлуетъ.
Гонясь за нею волны тамъ,
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ;
И всѣ въ усердіи Венеру
Желаютъ провожать въ Цитеру.

Не въ долгомъ времени пришла къ Богинѣ вѣсть,
Которую Зефиръ спѣшилъ скорѣй принесть,
Что бѣдство Душеньки преходитъ всяку мѣру;
Что Душенька уже оставлена отъ всѣхъ,
И что вздыхатели, какъ будто ей въ посмѣхъ,
Отъ всякой встрѣчи съ ней повсюду удалялись;
Или къ отцу ея во Дворъ хотя являлись,
Однако, въ Душеньку ужъ болѣ не влюблялись,
И къ ней не подходили вблизь,
А только издали ей низко поклонялись.
Такой чудесъ престранный родъ
Смутилъ во Греціи народъ.
Бывали тамъ потопы, моры,
Пожары, хлѣба недородъ,
Войны и внутренни раздоры;
Но случай сей для всѣхъ былъ новъ.
Сказатели различныхъ сновъ,
И вопрошатели Боговъ,
О томъ имѣли разны споры.
Иной предвидѣлъ добрый знакъ;
Другой сулилъ напасти скоры;
Иной, напустивъ много вракъ,
Не сказывалъ ни такъ, ни сякъ:

Но всѣ согласно утверждали,
Что чудъ подобныхъ не видали
Во Греціи съ начала вѣкъ.
Простой народъ тогда въ печали
Къ Венерѣ вопіять притекъ:
За что Судьбы къ народу гнѣвны?
За что вздыхатели бѣжали отъ Царевны?
Извѣстно, что ея отмѣнная краса
Противныя тому являла чудеса.
Венера, наконецъ, рѣшила всѣхъ судьбину:
Явила Греціи сокрытую причину,
За что Царева дочь теряетъ прежню честь;
И противъ ней свою неутолиму месть;
И съ видомъ грознымъ и суровымъ
Велѣла сродникамъ Царевны быть готовымъ
Еще къ нещастьямъ новымъ,
Пока ее они
Не приведутъ къ ней въ руки,
На всѣ оставши дни
Терпѣть различны муки.

Но Царь и вся родня
Любили Душеньку безъ мѣры,
Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
Моглиль предать ее на мщеніе Венеры?
И всѣ въ единый гласъ
Богинѣ на отказъ
Возопіяли смѣло,
Что то несбыточное дѣло.
Иные подняли на смѣхъ ея олтарь;
Другіе стали горько плакать;

Другіежъ, не дослушавъ, такатъ,
Когда лишь слово скажетъ Царь;
Иные Душенькѣ въ утѣху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Коль люди въ стыдъ Богинь ее боготворили;
И что Венеры къ ней и ненависть и месть
Ея умножатъ честь.
Слова тѣ Душенькѣ хотя пріятны были,
Но были бы милѣй,
Когда бы ихъ тогда сказалъ любовникъ ей.
Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ,
Но въ тайнѣ часто унывала,
Себя нещастной называла,
И часто, въ горестныхъ слезахъ,
Къ Амуру вопіяла:

« Амуръ, Амуръ, веселій Богъ!
« За что ко мнѣ суровъ и строгъ?
« Давно ли всѣ меня искали?
« Давно ли всѣ меня ласкали?
« Въ побѣдахъ я вела часы,
« Могла плѣнять, любить по волѣ;
« За что теперь въ нещастной долѣ?
« Къ чему полезны мнѣ красы?
« Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка
« Себѣ имѣетъ пастуха:
« Одна лишь я ни съ кѣмъ не дружка,
« Не бывъ дурна, не бывъ лиха!

« Одной ли мнѣ любить зазорно?
« Но естьли щастье толь упорно,
« И такъ судили Небеса,
« Поди ты, Душенька, въ лѣса,
« Бѣги, бѣги людей отъ нынѣ,
« И лучше ты живи въ пустынѣ!»

Межъ тѣмъ, какъ Душенька, тая свою печаль,
Отъ всѣхъ своихъ родныхъ уйти сбиралась вдаль,
Они тогда о ней не менѣе крушились,
И сами ей вездѣ искали жениховъ;
Но всюду женихи страшились
Гнѣвить Венеру и Боговъ,
Которы видимо противу согласились.
Никто на Душенькѣ жениться не хотѣлъ,
Или никто не смѣлъ.
Впослѣдокъ сродники, совѣтовавъ, рѣшились
Спросить Оракула о будущихъ судьбахъ.
Оракулъ далъ отвѣтъ, въ порядочныхъ стихахъ,
А къ нимъ жрецы - пророки
Прибавили еще свои для толку строки;
Отвѣтъ же былъ притомъ не менѣ безтолковъ,
И слово въ слово былъ таковъ:

« Супругъ для Душеньки, назначенный Судьбами,
« Есть чудо съ крыльями, которо всѣхъ язвитъ,
« Смущаетъ области и часто ихъ крушитъ,
« Всегда грызетъ сердца, питается слезами,
« Всегда оружіе имѣетъ на плечахъ,
« Стрѣляетъ, ранитъ, жжетъ, оковы налагаетъ,
« Коль хочетъ: на землѣ, коль хочетъ: въ небесахъ,

« И самый Стиксъ ему путей не преграждаетъ.
« Судьбы и Боги всѣ, опредѣляя такъ,
« Сыскать къ супругу пусть даютъ особый знакъ:
« Царевну пусть ведутъ на самую вершину
« Горы, которая не видима отсель,
« И выше всѣхъ стоитъ за тридевять земель,
« А тамъ ее одну оставятъ на судьбину,
« На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину. »

Отвѣтъ сей сродниковъ въ сомнѣніе привелъ,
И неописанный въ нихъ ужасъ произвелъ.
О праведные Боги!
Возможноль, чтобы вы толико были строги?
И естьли въ томъ какая стать,
Чтобъ Душеньку на вѣкъ чудовищу отдать,
Къ которому никто не вѣдаетъ дороги?
Родные тако всѣ гласили во слезахъ;
И кои знали всяки сказки,
Представили себѣ чудовищь злыхъ привязки,
И лютой смерти страхъ,
Иль въ лапахъ, иль зубахъ,
Гдѣ жить ей будетъ тѣсно.
Отъ нянекъ было имъ давно не безъизвѣстно
О существѣ такихъ и змѣевъ и духовъ,
Которы широко горшани раззѣваютъ,
И что притомъ у нихъ видаютъ
И семь головъ, и семь роговъ,
И семь, иль болѣе хвостовъ.
Отъ разныхъ страховъ сихъ родные возмущались;
Потомъ, безъ дальныхъ словъ,
Завыли множествомъ различныхъ голосовъ;

Царевну проводить до мѣста обѣщались,
И съ нею навсегда заранѣе прощались.
Не знали только, гдѣ высокая гора,
Къ которой Душеньку отправить надлежало;
Оракулъ не сказалъ, или сказалъ, да мало;
Въ которой сторонѣ? Далечель отъ двора?
Въ какую тамъ явиться пору?
И какъ зовутъ такую гору?
Синай, или Ливанъ, иль Тавръ, или Кавказъ?
И кои въ Душенькѣ высокой разумъ чтили,
Догадываясь, мнили,
Что должно ѣхать съ ней имъ прямо на Парнасъ;
Извѣстно было имъ, что нѣкоторы музы
Имѣли съ ней союзы;
Что Душенька отъ нихъ училась пѣсни пѣть,
И таинство красотъ Парнаскихъ разумѣть;
Но тѣ, которые исторію читали,
Противу предлагали,
Что Музы изстари проводятъ въ дѣвствѣ вѣкъ,
И никакой туда не ходитъ человѣкъ,
Что тамъ нельзя найти ей мужа,
Къ томужъ отъ Сѣвера бываетъ часто стужа,
И у Кастальскихъ водъ,
Хотя мѣста тѣ святы,
Нерѣдко замерзалъ народъ.
Иные, изобравъ жарчайшіе климаты,
Хотѣли Душеньку во Африку везти,
Гдѣ змѣи лютые въ чести;
Притомъ, послѣдуя Оракулову гласу,
Иные думали везти ее къ Атласу,

Узнавъ, что та гора, касаяся небесъ,
Издревле множествомъ прославилась чудесъ;
И мнили, что по сей примѣтѣ,
Оракулъ точно такъ сказалъ въ своемъ отвѣтѣ.
Но люди смѣлые изъ плачущей родни
Представили, храня ея цвѣтущи дни,
Что змѣи тамъ легко Царевну могутъ скушать,
Что въ томъ Оракула никакъ не должно слушать;
И громко вся родня, безъ дальняго суда,
Воскликнула тогда,
Что Душенька отнюдь изъ дома не поѣдитъ,
И что Оракулъ бредитъ.

Въ Совѣтѣ, наконецъ,
Родня Царевнина и Царь, ея отецъ,
Желали лучше всѣ, Боговъ противясь власти,
Терпѣть гоненія и всякія напасти,
Чемъ Душеньку везти
На жертву безъ пути;
Но Душенька сама была великодушна,
Сама Оракулу хотѣла быть послушна.
Иль можетъ быть и такъ, чтобъ мнѣ не обмануть,
На свѣтѣ сскучивъ безъ супруга,
Искала, наконецъ, себѣ такого друга,
Ктобъ ни былъ, гдѣ нибудь.
А чтобъ видна была роднѣ ея услуга:
« Живите въ щастіи — она сказала имъ —
« Я васъ должна спасти нещастіемъ моимъ.
« Пускай свершается Боговъ безсмертныхъ воля;
« И естьли я умру: моя такая доля. »

Межь тѣмъ, какъ Душенька вѣщала такъ отцу,
Совѣтъ пустился плакать снова;
Никто отъ горести не могъ промолвить слова,
И слезы тутъ у всѣхъ катились по лицу:
Но въ горестнѣйшемъ плачѣ
Никто съ Царицею сравниться не возмогъ:
Она пускала стонъ и жалобы всѣхъ паче;
То, память потерявъ, валялась часто съ ногъ;
То въ горести, теряя мѣру,
Ругала всячески Венеру;
Иль, крѣпко въ руки ухватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко предъ народомъ,
И всѣмъ своимъ клялася родомъ
Доколь она жива,
Не ставить ни вочто Оракула слова;
И что ни для какого чуда
Не пуститъ дочери оттуда.
Но хоть кричала то во всю большую мочь,
Однако, вопреки Амуръ, Судьбы и Боги,
Оракулъ и жрецы, родня, отецъ и дочь,
Велѣли сухари готовить для дороги.
Во время оныхъ лѣтъ
Оракулъ въ Греціи столь много почитался,
Что каждый исполнять слова его старался,
И самъ искалъ себѣ преднареченныхъ бѣдъ,
Дабы сбывалось то неложно,
Что только предсказать возможно.

Царевна оставляетъ градъ;
Въ дорогу сказанъ былъ нарядъ.
Куда? Отъ всѣхъ то было тайно,
Царевна, наконецъ, умомъ
Рѣшила неизвѣстность въ томъ,
Какъ всѣ дѣла своимъ судомъ
Она рѣшила обычайно:
Сказала всей роднѣ своей,
Чтобъ только въ путь ее прилично снарядили,
И въ колесницу посадили,
Безъ кучера и безъ вожжей,
Пустя по волѣ лошадей:
« Судьба, сказала, будетъ править,
« Судьба, конечно, приведетъ,
« На мѣсто щастія иль бѣдъ,
« Гдѣ должно вамъ меня оставить. »
По таковымъ ея словамъ,
Недолги были сборы тамъ.

Готова колесница,
Садится Царска дочь и съ нею мать Царица,
Которая Душеньку, не могши удержать,
Желаетъ провожать.
Тронулись лошади, не ждавъ себѣ уряда:
Везутъ безъ поводовъ,
Везутъ съ двора, везутъ изъ града,
И, наконецъ, везутъ изъ крайнихъ городовъ.

Въ сей путь, короткій или дальный,
Устроенъ былъ Царемъ порядокъ погребальный:

Шестнадцать человѣкъ несли вокругъ свѣчи
При самомъ свѣтѣ дня, подобно какъ въ ночи,
Шестнадцать человѣкъ, съ печальною музыкой,
Унывный пѣли стихъ въ протяжности великой;
Шестнадцать человѣкъ, немного тѣхъ позадь,
Несли хрустальную кровать,
Въ которой Душенька любила почивать;
Шестнадцать человѣкъ, поклавши на подушки,
Несли Царевнины тамбуры и коклюшки,
Которы клала тамъ сама Царица мать,
Дорожный туалетъ, гребенки и булавки,
И всякія къ тому потребныя прибавки;
Потомъ, въ парадѣ шелъ жрецовъ усастыхъ полкъ,
Стихи Оракула неся передъ собою;
Тутъ всякъ изъ нихъ стихамъ давалъ различный толкъ,
И всякъ желалъ притомъ скорѣй дойти къ покою;
За ними шелъ сигклитъ, и всякъ высокій чинъ;
Впослѣдокъ ѣхала печальна колесница,
Въ которой съ дочерью сидѣла мать Царица.
У ногъ ея стоялъ серебряный кувшинъ:
То былъ плачевный урнъ, какой старинны Греки
Давали въ даръ, когда прощались съ кѣмъ на вѣки.
Отецъ со ближними у колесницы шелъ,
Боговъ прося о всякомъ благѣ,
И предая Судьбамъ расправу Царскихъ дѣлъ,
Свободно на пути вздыхалъ при каждомъ шагѣ.
Взирая на Царя, отъ всѣхъ сторонъ народъ
Толпился близко колесницы,
И каждый до своей границы
Съ Царевной шелъ въ походъ.

Иные хлипали, другіе громко выли,
Не вѣдая, куда везутъ и дочь и мать;
Другіе же, по виду, мнили,
Что Душеньку везутъ живую погребать;
Иные по пути сорили
Предъ нею вѣтьви и цвѣты:
Другіе въ честь ей гимны пѣли,
Прилично славя красоты,
Какія въ первый разъ узрѣли
И, возвратяся въ домъ,
За диво возвѣщали;
Другіежь божествомъ
Царевну называли.
Вотще жрецы кричали,
Что та Царевнѣ честь
Прогнѣваетъ Венеру,
И, слѣдуя манеру,
Толчкомъ, и какъ ни есть,
Хотѣли прочь отнесть
Народъ отъ сей напасти;
Но всѣ, противу власти,
Забывъ Венеры вредъ
И всю возможность бѣдъ,
Толпами шли насильно
За Душенькою въ слѣдъ
Усердно и умильно.

Уже, чрезъ нѣсколько недѣль,
Проѣхали они за тридевять земель,
Но въ нихъ ни одного пригорка не видали;

И кои болѣе устали,
Со всякой бранью возроптали,
Что шли куда, не знали.
Впослѣдокъ ѣдучи путемъ и вдоль и вкругъ;
Къ одной горѣ они лишь только подступили,
Тамъ сами лошади остановились вдругъ
И далѣе не шли, сколь много ихъ ни били.
Тогда тамъ всѣ Судебъ признаки находили,
Признаки тѣ жрецы согласно подтвердили,
И всѣ сказали вдругъ, что должно точно тамъ,
На высотѣ горы, Оракуловымъ словомъ,
Оставить Душеньку у неба подъ покровомъ.
Вручаютъ всѣ ее хранителямъ Богамъ,
Ведутъ на высоту по камнямъ и пескамъ,
Гдѣ знака нѣтъ дороги,
Едва подъемля вверхъ свои усталы ноги,
Чрезъ камни, чрезъ бугры, и чрезъ глубоки рвы,
Гдѣ нѣтъ ни лѣсу, ни травы,
Гдѣ алчные рыкаютъ львы;
И хоть жрецы людей къ отвагѣ
Увѣщевали въ сихъ мѣстахъ,
Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ,
Встрѣчали новый страхъ:
Ужасныя пещеры,
И къ верху крутизны,
И къ безднѣ глубины,
Безъ вида и безъ мѣры.
Инымъ тамъ видѣлись Мегеры,
Инымъ летучи Дромадеры,
Инымъ Драконы и Церберы,
Которы ревами, на разные манеры,

Глушили слухъ,
Мутили духъ.
Но Царь и дочь пошли, и свита въ слѣдъ пустилась;
Осталась на пути одна Царица мать,
Не могши далѣе шагать,
И съ Душенькой на вѣкъ, поплакавъ, тамъ простилась.
Хрустальная кровать
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась;
И многіе отъ страха тутъ,
Имѣя многой трудъ,
Немало шапокъ пороняли,
Которы тамъ Драконы жрали.
Иные по кустамъ одежды изодрали,
И, наготы имѣя видъ,
Едва могли прикрыть отъ глазъ стороннихъ стыдъ.
Осталось, наконецъ, лишь нѣсколько булавокъ,
И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.
Но можноль описать перомъ
Царя тогда съ его Дворомъ,
Когда на верхъ горы съ Царевной всѣ явились?
Читатель самъ себѣ представитъ то умомъ.
Я только лишь скажу, что съ нею всѣ простились;
И напослѣдокъ Царь, согнутый скорбью въ крюкъ,
Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.
Тогда и дневное свѣтило,
Смотря на горесть сихъ разлукъ,
Казалось, будто сократило
Обыкновенный въ мірѣ кругъ,
И въ воды спрятаться спѣшило.
Тогда и ночь,
Одну увидѣвъ Царску дочь,

Покрылась чернымъ покрываломъ,
И томнѣйшимъ лучемъ, едва свѣтящихъ звѣздъ;
Открыла въ мрачности весь ужасъ оныхъ мѣстъ,
Тогда и Царь скорѣй предпринялъ свой отъѣздъ,
Не вѣдая конца за толь слѣпымъ началомъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Но гдѣ возьму черты
Представить страхъ, какой являла вся Природа,
Увидѣвъ Душеньку въ пространствѣ темноты,
Оставшу безъ отца, безъ матери, безъ рода,
И словомъ: вовсе безъ людей,
Между Драконовъ и звѣрей?
Тутъ все, что Царска дочь отъ нянюшекъ слыхала,
Или что въ повѣстяхъ ужаснѣйшихъ читала,
Представилось ея смущенному уму.
Страшилище Духовъ, волшебные призраки,
Различныхъ тамъ смертей являли ей признаки,
И мрачной ночи сей усугубляли тьму;
Но Душенька едва свои уста открыла,
Печальну жалобу на небо произнесть,
Помчалась къ небу вдругъ, куда никто не вѣсть:
Безъ крылъ несла ее невидимая сила;
И Царское дитя,
Едва не обмерло, по воздуху летя.

Невидимый Зефиръ, воздушный Нимфъ носитель,
Который былъ ея и спутникъ и хранитель,
Увидѣвъ рѣдку красоту,
Запомнилъ Душеньку увѣдомить сначала,
Какая власть его послала
Ее восхитить въ высоту;
Всѣ мысли устремилъ къ неслыханному диву,
И внѣ себя взвѣвалъ ей платье налету.
Но видя, наконецъ, онъ Душеньку чуть живу,
Пріятнымъ голосомъ сей страхъ ея пресѣкъ,
Сказалъ ей съ тихостью, приличною Зефиру,
Что онъ несетъ ее къ блаженнѣйшему міру,
Къ супругу, коего Оракулъ ей прорекъ;
Что сей супругъ давно вздыхаетъ безъ супруги,
Что къ ней Зефировъ полкъ назначенъ во услуги;
Далъ вѣдать о себѣ, отколь и кто таковъ,
И множество притомъ сказалъ ей лестныхъ словъ.
Амуры, вкругъ летя, тѣ рѣчи подтвердили,
И Душеньку тогда отъ страха свободили.
Чрезъ нѣсколько минутъ Зефиръ ее вознесъ
Къ селенью нѣкому межъ облакъ и небесъ,
Поставилъ средь двора: и вдругъ оттоль изчезъ.
Тутъ взорамъ Душеньки открылась тьма чудесъ:
Сквозь рощу миртовыхъ и пальмовыхъ древесъ,
Великолѣпные представились чертоги,
Блестящіе среди безчисленныхъ огней,
И розами вездѣ усыпанны дороги;
Но розы блѣдный видъ являютъ передъ ней;
Невиданной работы
Агатныя вороты
Съ четырехъ всѣхъ сторонъ;

Сафирные столбы, изъ яхонта балконъ,
Златые куполы и стѣны изумрудны,
Простому смертному должны казаться чудны;
Единымъ лишь Богамъ сіи дѣла нетрудны.
Таковъ былъ первый видъ, читатель, примѣчай,
Для Душеньки, когда изъ мрачнѣйшей пустыни
Она, во образѣ летящей вверхъ Богини,
Нечаянно взнеслась въ устроенный ей рай.
Въ надеждѣ на Боговъ, съ щастливымъ толь признакомъ,

Едва она ступила разъ,
Бѣгутъ на встрѣчу къ ней тотчасъ,

Изъ дома сорокъ Нимфъ въ нарядѣ одинакомъ.
Имъ Душенькинъ приходъ приказано стеречь,
И старшая изъ нихъ, съ пренизкимъ ей поклономъ,
Отъ имени подругъ, почтительнѣйшимъ тономъ,
Сказала должную привѣтственную рѣчь.
Лѣсные жители, своимъ огромнымъ хоромъ

Потомъ пропѣли раза два

Отъ Нимфъ ей сказанны похвальныя слова,
И къ ней служить летятъ Амуры всѣмъ соборомъ.
Царевна ласково, на каждую ей честь,
Отвѣтствовала всѣмъ, то знакомъ, то словами.
Зефиры въ тѣснотѣ, толкаясь головами,
Хотѣли въ домъ ее привесть, или принесть;
Но Душенька имъ всѣмъ велѣла быть въ покоѣ,
И къ дому шла сама среди различныхъ слугъ,
И Смѣховъ и Утѣхъ, летающихъ вокругъ.
Читатель! такъ видалъ ты матку въ пчельномъ роѣ.
Когда юнѣйшій родъ, оставя старыхъ пчелъ,
Бунтуетъ, рѣзвится, журчитъ и вдалѣ летаетъ,

Но за Царицею, котору почитаетъ,
Смиряяся, летитъ на новый свой удѣлъ.

Царевна, посреди сихъ почестей отмѣнныхъ,
Не знала духъ ли былъ, иль просто человѣкъ,
Обѣщанный супругъ, властитель мѣстъ блаженныхъ;
Котораго предъ симъ Зефиръ, въ словахъ смятенныхъ,
Ей только предвѣстилъ, но прямо не нарекъ.
Вступая въ домъ, она супруга зрѣть желала,
И съ нетерпѣніемъ служащихъ вопрошала;
Но вся сія толпа, котора съ нею шла,
Или вокругъ летала,
Увѣдомить ее подробнѣй не могла,
И Душенька о немъ въ незнаніи была.
Межь тѣмъ она прошла крыльцовыя степени,
И введена была въ пространнѣйшія сѣни,
Отколь во всѣ края, сквозь множество дверей,
Открылся передъ ней
Прекрасный видъ алей,
И рощей и полей;
И болѣе, потомъ, высокіе балконы
Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны;
Царевна райскіе увидѣла сады,
И прежніе свои забыла всѣ труды.
Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чертоги,
Какіе созидать лишь только могутъ Боги,
И тамо Душеньку, къ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели;
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору вмѣсто водъ повсюду собирали;
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,

Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри,
И благовонныя работали ей мылы,
Какими моются восточные Цари,
Для нѣкакой въ нихъ силы.
Царевна въ оный часъ, хотя и со стыдомъ,
Со споромъ и трудомъ,
Какъ водится притомъ,
Взирая на обновы,
Какія были тамъ готовы,
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы;
Но слугъ различныхъ полкъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ,
Былъ долженъ выйдти вонъ.
Амуры за дверьми, не бывъ при ней въ услугѣ,
Тогда лишь слѣдъ ея лобзали на досугѣ.
Зефирыжь хищные, имѣя входъ вездѣ,
Затѣмъ, что ростомъ мелки,
У оконъ и дверей нашли малѣйши щелки,
Прокрались между Нимфъ и спрятались въ водѣ,
Гдѣ Царска дочь купалась:
Она предъ ними тамъ во всей красѣ являлась,
Иль паче имъ касалась;
Но Душенька о томъ никакъ не догадалась.

Зефиры, коихъ я щастливѣйшими чту!
Вы тамо видѣли Царевны красоту;
Зефиры! вы меня какъ должно научите
Сказать читателямъ, иль сами вы скажите,
Всѣ части, всѣ черты,
И всѣ пріятности Царевнины подробно,
Которыхъ разуму представить неудобно;
Вы видѣли тогда не сонъ и не мечты. . .

Молчанье ваше разумѣю:
Къ изображенію божественныхъ даровъ,
Потребенъ вамъ и мнѣ особый даръ Боговъ;
Я Душеньки красотъ описывать не смѣю.

Царевна вышедши изъ бани, наконецъ,
Съ улыбкою свои раскидывала взгляды,
На изготовленны ей платья и наряды
И нѣкакой вѣнецъ.
Ее одѣли тамъ, какъ Царскую особу,
Въ богатѣйшую робу.
Нетрудно разумѣть, что для ея услугъ,
Горстями сыпались каменья и жемчугъ,
И всяки рѣдкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила;
Иль лучше, такъ сказать, то мысль ея творила,
Коль вещи съ мыслями предъ ней являлись вдругъ.
Плѣняяся своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ,
Желаетъ ли она смотрѣться въ зеркала:
Онѣ раждаются ея единымъ взглядомъ,
И по стѣнамъ стоятъ предъ ней великимъ рядомъ,
Дабы краса ея удвоена была.
Увидѣвъ тамъ себя, лицемъ, плечемъ и задомъ,
Отъ головы до ногъ,
Легко могла судить Царевна на досугѣ
О будущемъ супругѣ,
Что онъ, какъ видно, былъ гораздо не убогъ.
Межъ тѣмъ, къ ея услугѣ,
Въ ближайшей залѣ былъ къ обѣду столъ готовъ.
Тамъ ѣствы и напитки
Являли всѣхъ сластей довольство и избытки.

Тамъ нектаръ всѣхъ родовъ,
И все, что для Боговъ,
Въ роскошнѣйшемъ жилищѣ,
Могло служить къ ихъ пищѣ;
Стояло передъ ней во множествѣ рядовъ.
Та пища красоты и силы придавала,
И Душенька труды, покушавъ, забывала.
Амуры, чтобъ притомъ ей ревность изъявить,
Хозяйски должности старались раздѣлить:
Иной былъ кравчимъ тамъ, другой носилъ посуду,
Иль рюмки наливалъ, и всякъ совался всюду;
И тотъ считалъ себѣ за превысоку честь,
Кому, изъ рукъ своихъ, ихъ новая Богиня
Полрюмки нектару изволила поднесть,
И многіе предъ ней стояли ротъ разиня;
Хотя Амуры въ томъ,
По правдѣ жадными отнюдь не почитались,
И болѣ, нежели виномъ,
Царевны зрѣніемъ единымъ услаждались;
Межъ тѣмъ надъ ней съ верховъ,
Въ чертогахъ безпечальныхъ,
Раздался сладкой звукъ орудій музыкальныхъ,
И пѣсенъ ей похвальныхъ,
Какія сочинять лишь можетъ Богъ стиховъ.
Вначалѣ райскія тамъ собранны пѣвицы
Воспѣли красоту сей новой ихъ Царицы.
Читатель знаетъ самъ, пріятнаяль ей была
Такая похвала;
Но впрочемъ Душенька рѣшиться не могла
Пріятстволь голосовъ, достоинстволь скрыпицы,

Согласіе ли арфъ, иль флейту предпочесть:
Онѣ имѣли всѣ въ искусствѣ равну честь,
И всѣ исполнены единымъ были духомъ,
Чтобъ Душенька въ раю,
Познала часть свою
Прикосновеніемъ, устами, окомъ, слухомъ.
Коль можно почитать за правду всѣ слова,
У Грековъ есть молва,
Что будто бы къ сему торжественному хору,
Нарочно сысканы Орфей и Амфіонъ,
И будто, въ Душеньку влюбяся, по разбору,
Игралъ и правилъ тамъ оркестромъ Аполлонъ.

Впослѣдокъ хоръ пѣвицъ, протяжистымъ манеромъ,
Съ приличнымъ нѣкакимъ размѣромъ,
Воспѣлъ стихи, возвысивъ тонъ,
Толь медленно, толь внятно,
И содержаніе ихъ было толь пріятно,
Что Душенька легко слова переняла,
Легко упомнить ихъ могла,
И скоро затвердила,
И послѣ по всему ихъ дому разпустила.
Потомъ нескромные Зефиры разнесли
Стихи сіи оттоль по всѣмъ концамъ земли;
Впослѣдокъ таковы и къ намъ они дошли:

« Любови всѣ сердца подвластны;
« И сами Боги чтутъ законъ,
« Какой уставилъ Купидонъ,
« Чтобъ были всѣ ему причастны.

« Познай, красавица, любовь:
« Ты щастіе познаешь вновь. »

Та пѣсня многажды предъ Душенькой пропѣта,
И пѣли, наконецъ, Царевнѣ многа лѣта;
Потомъ одна изъ Нимфъ къ ней вышла доложить,
Что время было опочить.
При словѣ опочить, Царевна покраснѣла,
И какъ невѣста оробѣла;
Однако, спорить не хотѣла.
Раздѣта Душенька, ведутъ ее въ чертогъ,
И тамъ, ко всякому покою отъ дорогъ,
Кладутъ ее въ постель, на нѣкоемъ престолѣ,
И, поклонившись ей, уходятъ всѣ оттолѣ.
Обѣщанный супругъ, чрезъ нѣсколько минутъ.
Въ невидимомъ лицѣ тогда явился тутъ.
А естьли спросятъ, какъ невидимый явился,
Нетрудно отвѣчать: явился онъ въ потьмахъ;
Онъ былъ въ объятіяхъ, но не былъ онъ въ очахъ,
Какъ духъ или колдунъ онъ былъ, но не открылся.

Никто не вѣдаетъ, ни что сказалъ женихъ,
Ни что они потомъ другъ съ другомъ говорили;
Ни о подробностяхъ притомъ какія были;
На вѣки тайна та осталась между ихъ.
Но только поутру примѣтили Амуры,
Что Нимфы межь собой смѣялись подтишкомъ;
И гостья, будучи стыдлива отъ натуры,
Казалась между ихъ съ завѣшеньымъ ушкомъ.

Супружество могло быть въ прочемъ ей пріятно,
Лишь только таинство въ немъ было непонятно;
Супругъ у Душеньки, сказать, и былъ и нѣтъ:
Пріѣхалъ ночью къ ней, уѣхалъ до разсвѣта,
Безъ имени, безъ лѣтъ,
Безъ росту, безъ примѣтъ;
И вмѣсто должнаго отвѣта,
Скрывая кто онъ былъ, на Душенькинъ вопросъ,
Просилъ, увѣщевалъ, для нѣкакихъ ей грозъ,
Чтобъ видѣть до поры супруга не желала;
И Душенька не знала
Съ какимъ чудовищемъ, иль Богомъ ночевала;
Не слыханъ былъ толь тайный бракъ.
Царевна, думая о томъ и такъ и сякъ,
Развязку тайны сей въ Оракулѣ искала;
Оракулъ ей давно супруга описалъ
Страшилищемъ ужаснымъ:
Супругъ съ Оракуломъ казался быть согласнымъ,
Какъ будто онъ себя за тѣмъ и не казалъ.
Хотя же Душенька инако разумѣла,
Касавшись до супружня тѣла,
И изъ его притомъ пріятнѣйшихъ рѣчей,
Что будто не былъ онъ страшилище очей:
Но такъ Оракулъ рекъ, и такъ вѣщали Боги;
Что сей супругъ ея наноситъ всюду страхъ,
И ежели то такъ, что онъ имѣетъ роги,
Или звѣрины ноги,
Иль когти на рукахъ,
Иль гнусную фигуру,
Такъ лучше Душенькѣ урода такова,

Которой всю страшитъ Натуру,
Не видѣть и не знать, пока она жива.

Въ сомнѣнномъ семъ ея удѣлѣ
Скрывалася ночная тѣнь,
И Душенька, межъ тѣмъ, въ постелѣ,
Не зная какъ рѣшить о дѣлѣ,
Увидѣла, что былъ ужь день.
Но день сей могъ ли тамъ забавить
Смущенную Цареву дочь,
Которая минувшу ночь
Въ забвеньи не могла оставить?
Она желала дня конца,
И съ нетерпѣніемъ ждала обратно ночи,
Тутъ снова сонъ закрылъ ея прекрасны очи,
Потомъ, летаючи вокругъ ея лица,
Явилъ супруга ей, со всею красотою,
Со стройствомъ, нѣжностью, дородствомъ, бѣлизною,
Съ румянцемъ краше багреца;
То словомъ: образъ былъ младаго Аполлона,
Иль, можно такъ сказать, прекрасна Купидона,
Въ осьмнадцать лѣтъ, иль такъ почти,
Что былъ онъ близко двадцати,
И былъ во всей красѣ и славѣ.
Царевна въ ономъ снѣ, обмануша мечтой!
Супруга чаетъ видѣть въ явѣ,
Хватаетъ тѣнь, кричитъ: постой!
Дай зрѣть себя, любезный мой!
Призракъ въ восторгъ ее приводитъ,
Но сей призракъ отъ ней уходитъ,
Какъ будтобъ удалялся онъ.

Она зоветъ, бѣжитъ, и бѣглеца хватаетъ:
Сіе движеніе впослѣдокъ прерываетъ
Ея невѣрный сонъ;
И Душенька въ рукахъ, проснувшись, ощущаетъ,
Намѣсто бѣглеца, свой спальный капишонъ.

Быть можетъ, что тогда супругъ сокрывшись тамо,
Вблизи подслушивалъ ея любовный бредъ;
Но рокъ свиданію противился упрямо:
Супруга своего она лишь зрѣла слѣдъ,
Лишь только было ей тогда узнать возможно,
Что онъ гостилъ у ней неложно,
Что онъ, ушедъ отъ ней, оставилъ ей любовь;
Что Душенька тогда любовью сей пылала;
Но тщетно зрѣть его желала,
И въ прежни мысли вверглась вновь.
Услужный сонъ, кружась надъ нею съ тишиною,
Спокоилъ мысль ея пріятною мечтою,
Въ другой, какъ въ первый разъ.
Не знаю долго ли мечта сія продлилась,
Но Душенька отъ сна непрежде пробудилась,
Какъ полдень ужь прошелъ, и послѣ полдня часъ.

Тогда служащія дѣвицы всѣмъ соборомъ,
Царевну вновь одѣть пришли
И сорокъ платьевъ принесли
Со всемъ къ тому приборомъ;
Въ сей день она себѣ назначила нарядъ,
Который былъ простѣе,
Затѣмъ, что Душенька спѣшила поскорѣе
Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.

Я, Душенькину въ томъ послѣдуя уставу,
Сей домъ представить поспѣшу,
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей дѣлать тамъ забаву.

Вначалѣ Душенька по комнатамъ пошла,
И не оставила, тамъ бѣгая, угла,
Въ которомъ бы она на часъ не побывала:
Оттуда въ бельведеръ, оттуда на балконъ,
Оттуда на крыльцо, оттуда внизъ и вонъ,
Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.
Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала,
Одни Зефиры лишь ей слѣдовать могли,
И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
Чтобъ какъ ни есть она, бѣжавши, не упала.
Она смотрѣла раза три
Сей домъ снаружи и внутри.
Межь тѣмъ Зефиры и Амуры
Казали ей Архитектуры,
И всяки рѣдкости Натуры,
Которы Душенька, осматривая вкругъ,
Желала видѣть вдругъ,
И что смотрѣть не знала:
Едина отъ другой смотрѣнье отвлекала;
И Душенькабъ еще пошла по всѣмъ мѣстамъ,
Когдабъ отъ бѣгу тамъ,
Впослѣдокъ, не устала.

Для отдыха она на время отъ трудовъ,
Смотрѣла статуи славнѣйшихъ мастеровъ:

То были образы красавицъ безподобныхъ,
Которыхъ имена и въ прозѣ и въ стихахъ,
Въ различныхъ повѣстяхъ и краткихъ и подробныхъ;
Безсмертно царствуютъ, какъ память ихъ въ умахъ.
Калисто, Дафнія, Армида, Ніобея,
Елена, Граціи, Ангелика, Фринея,
И множество другихъ Богинь и смертныхъ женъ,
Очамъ являясь живо,
Во всей красѣ, на диво
Стояли тамъ у стѣнъ.
Но посрединѣ ихъ вначалѣ,
На нѣкомъ вышшемъ пьедесталѣ,
Тамъ образъ Душенькинъ стоялъ,
И паче красотой другіе унижалъ.
Смотря на образъ свой она сама дивилась,
И, внѣ себя, остановилась:
Другая статуя въ ней видѣлась тогда,
Какой никто потомъ не видѣлъ никогда.

Тутъ долгобъ Душенька осталась
Смотрѣть на образъ сей,
Которымъ обольщалась,
Но слуги бывшіе при ней,
Для новой глазъ ея забавы,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей
Другіе образы красотъ ея и славы:
До пояса, до ногъ, въ весь ростъ до самыхъ пятъ,
Изъ злата, изъ сребра, изъ бронзы, иль изъ стали,
И головы ея, и бюсты, и медали;
А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.

Въ иныхъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи Богъ,
Который кисть его водилъ своей рукою.
Представилъ Душеньку со всею красотою,
Какой дотолѣ умъ вообразить не могъ.
Но хочетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ?
Въ иной, Зефиры ей несутъ Помонинъ рогъ,
И, сыпля ей цвѣты, съ ней рѣзвятся въ долинахъ;
Въ другой она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И болѣ, какъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ,
Разитъ сердца пріятнымъ моромъ.
А тамъ предъ ней Сатурнъ, беззубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Желаетъ быть моложѣ,
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки.
А тамъ она видна, подобяся Царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ;
Прекрасной Душеньки за честь и красоту,
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету;
Летятъ великою толпою,
И всѣ они несутъ колчаны за плечми,
И всѣ, прекрасными гордясь ея очми,
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихой нравъ:
Полей не обагряетъ кровью,
И, наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ, у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.
А тамъ представлена она среди Утѣхъ,

Которы ей вездѣ предходятъ,
И вымыслами игръ различныхъ производятъ
Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.
А индѣ Граціи Царевну окружаютъ,
Ее различными цвѣтами украшаютъ,
И тихо вкругъ ея летающій Зефиръ,
Рисуетъ образъ сей, чтобъ имъ украсить міръ,
Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ,
Умѣривая умъ любителей свободъ,
И, можетъ быть, странясь отъ критикъ злокромольныхъ,
Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ.
Въ картинахъ же онѣ, какъ вѣстно, чудесами
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.
А чтобъ, встрѣчаясь тамъ
Различные предметы,
Не скучили ея глазамъ:
Въ другихъ мѣстахъ, ея портреты
Одни являлись по стѣнамъ,
Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.

Во всѣхъ ты, Душенька, уборахъ хороша:
По образуль какой Царицы ты одѣта,
Пастушкоюль сидишь ты возлѣ шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.
Потомство вѣдаетъ, что сей чудесный домъ,
Гдѣ жители тебя достойно обожали;
Былъ храмъ твоихъ красотъ, и нѣтъ сомнѣнья въ томъ,

Что храмъ сей для тебя Амуры съоружали,
Амуры украшали,
Амуры образъ твой повсюду начертали;
Амуры, наконецъ,
Примыслили къ лицу, на всякой образецъ,
Различные уборы,
Могущіе привлечь твои прелестны взоры.
Угоденъ ли какой нарядъ,
И надобныль тебѣ обновы?
Увидишь, что они готовы,
Что твой уже примѣченъ взглядъ,
И изъ твоей воздушной свиты,
Зефиръ пришелъ тебѣ донесть,
Что всѣ обновы были сшиты:
Когда прикажешь ихъ принесть?

Желалъ бы описать подробно,
Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ,
Гдѣ все плѣняло взглядъ
И было безподобно;
Но всюду тамъ умомъ
Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь и, потомъ,
Палаты забываю.
Не всякъ ли домъ, не всякъ ли край,
Ея присутствіемъ преобращался въ рай?
Не еюль рай имѣлъ и бытность и начало?
И естьли я сказалъ о сихъ палатахъ мало,
Конечно въ томъ меня читатели простятъ;
Я долженъ слѣдовать за Душенькою въ садъ,
Куда она влечетъ и мысли всѣхъ и взглядъ.

Тамъ вѣчнымъ жаромъ лѣта
Земля была нагрета,
И щедро въ круглый годъ
Произращала плодъ,
Безъ всякихъ непогодъ.
Тамъ нова слугъ толпа на встрѣчу къ ней летѣла,
И каждый чтился тамъ не быть при ней безъ дѣла:
Водить, разсказывать, иль просто забавлять.
Царевна въ первый день о всемъ узнать хотѣла,
Вездѣ хотѣла погулять;
И въ рощахъ иль въ садахъ, гдѣ только лишь являлась,
Ея приходомъ вся Натура оживлялась.
Древа склоняли къ ней листы,
Какъ будтобъ нѣкое влеченье ощущали,
И тихимъ шумомъ тамъ другъ другу возвѣщали,
Подъ тѣнію своей блестящей красоты;
И травы и цвѣты,
Раскидываясь вновь, въ сей день для нихъ пріятный,
Удвоили въ садахъ свой запахъ ароматный.
Но болѣ тамъ ясминъ предъ прочими блисталъ,
И гдѣ Царевна шла, въ томъ мѣстѣ выросталъ.
Она ясминный духъ съ отмѣною любила,
И тѣ цвѣты себѣ въ букетъ употребила;
Щастливый сей букетъ, приколонный на грудь,
Какъ будто оживленъ, къ ней силился прильнуть.
Умолкли хоры птицъ, внимая шумъ древесный,
И за Амурами текли въ ихъ путь извѣстный,
Чтобъ Душеньку увидѣть вблизь:
Одни надъ нею вкругъ вились,
Другіе передъ ней летали,

И много межъ собой въ семъ дивѣ щебетали.
Не видно было тамъ ночныхъ зловѣщныхъ птицъ,
Ниже угрюмыхъ лицъ.
Бѣжали прочь оттоль Фауны и Сатиры,
И дули тамъ одни тишайшіе Зефиры.
Фонтаны силились подняться въ высоту,
Чтобъ лучше видѣть имъ Царевны красоту,
Которую толпа окружна заслоняла:
И естьли Душенька вблизи отъ нихъ гуляла,
Они стремились пасть съ высотъ къ ея ногамъ.
Въ водахъ плескаючись Наяды,
Нетерпѣливо ждали тамъ
Ея пришествія къ щастливымъ ихъ брегамъ.
Иныя взлезли на каскады,
Смотрѣть на путь ея, тамъ головы поднявъ,
И Душеньку, узрѣвъ, бросались къ ней стремглавъ.
Въ семъ общемъ торжествѣ Натуры,
И самы каменны надъ токами фигуры,
Отъ удивленія вездѣ, разинувъ ротъ,
Изъ внутренностей вдругъ пускали много водъ.
Сей видъ представилъ ей различныхъ тварей родъ,
Въ изображеніяхъ неизчислимо многихъ,
Ползущихъ, скачущихъ, пернатыхъ, четвероногихъ;
И всѣ творенія и чуды Естества,
Являлись тамъ къ ея услугамъ иль къ забавѣ,
Иль въ честь ея державѣ
И къ славѣ торжества.

Оттуда шла она въ покрытыя алеи,
Которыя вели въ густой и темный лѣсъ.

При входѣ тамъ, въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
Открылись новые художные затѣи:
Богини, Боги, Феи,
Могучіе Богатыри,
И славные Цари,
Въ быляхъ и въ небылицахъ,
Являлись тамо въ лицахъ,
Со описаніемъ откуда, кто, каковъ,
И словомъ, то была Исторія вѣковъ;
Притомъ услужные Амуры,
Различны повѣсти старались разсказать;
И тамо Душенька, среди чудесъ Натуры,
Нашла въ явленіяхъ свой родъ, отца и мать;
И съ самой точностью, въ безлюдной сей пустынѣ,
Весь міръ являлся ей, какъ будто на картинѣ.
Хотяжь гулянье по лѣсамъ
Особо Душенька любила,
И послѣ каждый день ходила,
И съ свитой и одна, къ тѣнистымъ симъ мѣстамъ;
Но въ сей начальной день не шла въ густыя рощи:
Иль ради наступившей нощи,
Или, не зря дороги въ лѣсъ,
Боялась всякихъ тамъ чудесъ,
Иль нѣжныя въ ходьбѣ ея устали ноги;
И Душенька оттоль пошла назадъ въ чертоги.

Не стану представлять
Читателю предъ очи,
Пріятны сны ея, въ послѣдовавши ночи;
Ихъ самъ онъ можетъ отгадать.

Но дни бывали тамъ причиною разлуки,
И дни, среди утѣхъ, свои имѣли скуки.
Въ сихъ скукахъ Царска дочь, пускаяся въ нарядъ,
Въ уборахъ время провождала,
Всегда обнову надѣвала,
Въ обновѣ же ходила въ садъ,
И тако скуку прогоняла.

Въ одинъ изъ оныхъ дней,
Прошедши въ лѣсъ далече,
Царевна тамъ на встрѣчѣ
Увидѣла ручей,
Который по дубровѣ,
Какъ будто бы на зовъ,
Предъ нею вытекъ въ новѣ;
Но красота бреговъ,
При токѣ водъ хрустальныхъ,
Скрывалась въ рощахъ дальныхъ,
И обольщенный взоръ
Вела потомъ до горъ,
Откуда чисты токи,
Прервавъ земли упоръ,
Давали ей изъ норъ
Растительные соки.
Тогда открылся гротъ,
Устроенный у водъ
По новому манеру;
Онъ велъ потомъ въ пещеру,
Гдѣ солнечны лучи
Свѣтили лишь при входѣ,

И гдѣ, журча ключи,
Подобно какъ въ ночи,
Во мрачнѣйшей свободѣ
Являли скрытный видъ,
Иль таинство въ Природѣ.
Исторія гласитъ,
И знаютъ то въ народѣ,
Что Душенька вошедъ
Въ невѣдомый ей слѣдъ,
При темномъ дѣлъ началѣ,
Идти не смѣла далѣ;
Но чудомъ тамо вдругъ,
Безъ всякой дальней рѣчи,
Невидимо супругъ
Схватилъ ее подъ плечи,
И въ самой темнотѣ,
На нѣкой высотѣ
Изъ дерновъ зеленистыхъ,
При токахъ водъ ручьистыхъ,
Съ собою посадилъ,
И много говорилъ,
И прозой и стихами,
Какъ водится межъ нами.
Не вѣдаетъ никто,
Въ какихъ словахъ на то
Царевна отвѣчала:
Извѣстно только намъ,
Что послѣ къ симъ мѣстамъ
Дорожку протоптала.
Съ тѣхъ поръ Царева дочь,

Часы и въ день и въ ночь
Съ супругомъ провождала,
И болѣ всѣхъ охотъ
Любила темный гротъ.
Когда же застигалась
Ночною темнотой,
То вмѣстѣ возвращалась
Съ супругомъ въ свой покой
Тогда воздушна колесница
Несла ихъ въ облакѣ густомъ,
Подъ темнымъ нѣкакимъ шатромъ;
И каждый день сихъ мѣстъ Царица,
Спокоенная сладкимъ сномъ,
Пускалась въ прежній путь потомъ,
Изъ дома въ гротъ, изъ грота въ домъ.

Но разумъ требуетъ себѣ часовъ свободы,
Скучаетъ проводить въ любови цѣлый день.
Царевна, слѣдуя уставу въ томъ Природы,
Тогда изобрѣла потѣхъ различны роды:
Амуровъ съ Нимфами веселы хороводы,
И жмурки и плетень,
Со всякими играми,
Какія и доднесь остались между нами.
Амуры, наконецъ, старались изобрѣсть,
По вкусу Душеньки, Комедіи, Балеты,
Концерты, Оперы, забавны Оперетты,
И все, что острый умъ удобенъ произвесть
Къ утѣхамъ чувствій нѣжныхъ,
Въ щастливыхъ дняхъ и безмятежныхъ.

Во Греціи Менандръ, во Франціи Мольеръ,
Кино, Детушъ, Реньяръ, Руссо и самъ Волтеръ,
Въ Россіи, наконецъ, гонитель злыхъ пороковъ,
Почтенный Сумароковъ,
Театру Душеньки старались подражать,
И въ поздныхъ лишь вѣкахъ могли изображать
Различны дѣйствія Натуры,
Какія въ первый разъ явили тамъ Амуры.
Но чтобы всѣ текли веселья безъ помѣхъ,
Печальный всякой видъ тиранствъ, смертей, измѣны,
Былъ изгнанъ изъ палатъ, гдѣ царствовалъ лишь смѣхъ,
И гдѣ, среди утѣхъ,
Невѣдомъ былъ кинжалъ плачевной Мельпомены.

Царевна, съ возрастомъ познательнѣйшихъ лѣтъ,
Знакомый прежде ей любила видѣть свѣтъ,
И часто, дѣтскія оставивши забавы,
Желала болѣ знать людскіе разны нравы,
И кто и какъ живалъ, и нынѣ какъ живетъ:
Сіи познанія о каждомъ человѣкѣ,
Легко могла найти въ своей библіотекѣ.
Великая громада книгъ
И малыхъ и большихъ,
Ее отъ чтенія вначалѣ отвращала,
Но скоро Душенька узнала,
Что разумъ ко всему возможно пріучать;
Узнала дѣльный смыслъ отъ шутокъ отличать,
Судить и примѣчать.
Въ исторіяхъ правдивыхъ,
Довольное число нашла прибавокъ лживыхъ.

Въ писателяхъ системъ
Нашла при всякой смѣси,
Довольно вздорной спѣси,
Хоть часто ихъ предлогъ не кончился ни чѣмъ.
Нечаянно же ей, во оной книгъ громадѣ,
Одну трагедію случилось развернуть:
Тамъ Авторъ силился слезами всѣхъ тронуть,
И героиня тамъ, въ печальнѣйшемъ нарядѣ,
Не зная, что сказать, кричала часто: ахъ!
Но чѣмъ тогда въ бѣдахъ,
Ея вершился страхъ?
Она, сказавъ люблю, ахъ! вышла изъ покоя,
И ахать одного оставила героя.

Царевна тамъ еще взяла читать стихи,
Но, ихъ читаючи, какъ будто за грѣхи,
Въ семъ домѣ въ первый разъ она узнала скуку
И, бросивъ ихъ подъ столъ, ушибла больно руку.
Носился послѣ слухъ, что будто, наконецъ,
Нещастныхъ сихъ стиховъ творецъ,
Указомъ Аполлона,
На вѣки согнанъ съ Геликона;
И послѣ Душенька, боясь конечно скукъ,
Иль ради сохраненья рукъ,
Стиховъ три года не читала,
Хотя ихъ нѣкогда сама она слагала;
И въ семъ изгнаніи стиховъ,
Оставила, не чтя, похвальныя ей оды.
Желала посмотрѣть впослѣдокъ переводы
Извѣстнѣйшихъ творцовъ,

Но въ нѣкакихъ словахъ ихъ мало разумѣла,
И для того велѣла
На знаемый языкъ, Амурамъ перевесть,
Чтобъ можно было ихъ безъ тягости прочесть.

Зефиры, наконецъ, Царевнѣ приносили
Различные листки, которые на свѣтъ
Изъ самыхъ древнихъ лѣтъ,
Между полезными продерзско выходили,
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликонъ.
Царевна, знавъ, что имъ не писанъ былъ законъ,
Ихъ вольности не нарушала,
Но сихъ твореній не читала.

Три года тако жизнь Царевна провождала:
Щастлива бы была, когдабъ прекрасный рай
Желаніямъ ея возмогъ содѣлать край;
Но любопытный умъ, при всякой въ жизни волѣ,
Нерѣдко слабостью бываетъ въ женскомъ полѣ.
Царевна, распознавъ
Супруга своего пріятный умъ и нравъ,
О немъ желала вѣдать болѣ:
Во всѣхъ свиданьяхъ съ нимъ, по днямъ и по ночамъ,
И въ облачномъ полетѣ,
Просила съ жалобой, чтобъ онъ ея очамъ
Явилъ себя при свѣтѣ.
Вотще супругъ всегда Царевну увѣрялъ,
Что онъ себя скрывалъ
Для слѣдствій самыхъ важныхъ;
Вотще ей знать давалъ,

Что онъ не могъ никакъ нарушить словъ присяжныхъ,
Что Стиксомъ клялся въ томъ Богамъ:
Царевна Стиксомъ насмѣхалась,
И часто удержать старалась
Супруга въ домѣ по ночамъ;
И часто, силяся безъ мѣры,
На свѣтъ тащила изъ пещеры:
Но онъ изъ рукъ ея тогда,
Какъ вѣтеръ, уходилъ невѣдомо куда.
Впослѣдокъ онъ, для большей вѣры,
Какъ въ томъ бѣды предузнавалъ,
Въ слезахъ ее увѣщавалъ,
Чтобъ свѣта бѣгала въ свиданіяхъ любовныхъ,
И пачебъ стереглась коварства самыхъ кровныхъ,
Которые хотятъ ей гибель нанести;
Что, естьли будетъ власть на то Боговъ верховныхъ,
Ее никакъ отъ бѣдъ не можетъ онъ спасти.

Вздохнувши, онъ тогда отъ страховъ толь суровыхъ
Едва изъ дома отлетѣлъ,
Зефиръ, который въ даль посыланъ былъ для дѣлъ,
Принесъ отъ всюду ей пуки извѣстій новыхъ;
Что двѣ ея сестры
Пришли ее искать у страшной той горы,
Откуда имъ Зефиромъ
Она вознесена въ прекрасный рай надъ міромъ,
Что тамо подъ горой изъ множества пещеръ
Стращаютъ ихъ Драконы;
И что онъ могъ принесть Царевнѣ отъ сестеръ,
Вѣрнѣе всѣхъ вѣстей, и письма и поклоны.

Зефиръ, Зефиръ! когдабъ ты зналъ
Сихъ злобныхъ сестръ коварны лести,
Тыбъ въ вѣчной тайнѣ сокрывалъ
Для Душеньки такія вѣсти!
Къ нещастью никакой не встрѣтился съ нимъ Духъ,
Кто близкихъ бы для ней напастей вѣдалъ слухъ,
И кто бы, при такой незнаемой измѣнѣ,
Зефиру могъ сказать, чтобъ онъ болталъ поменѣ.
Но воля въ томъ была Небесъ,
Чтобы Зефиръ, безъ всякой встрѣчи,
По воздуху ловя на свѣтѣ всяки рѣчи,
Къ Царевнѣ съ вѣтромъ ихъ принесъ;
И такъ уставили злодѣющи ей Боги,
Чтобъ сестръ она потомъ взяла къ себѣ въ чертоги.

Обыкши Душенька любить родную кровь,
И должную хранить къ сестрамъ своимъ любовь,
Супружніе тогда забыла всѣ совѣты:
Зефиру тотъ же часъ, скорѣе какъ ни есть,
Сихъ сестръ передъ себя велѣла въ рай привесть.
Не видяжь никакой коварства ихъ примѣты,
Желала показать
Наряды, и парчи, и камни, и кровать,
И домъ, и всѣ пожитки,
И съ ними раздѣлить своихъ богатствъ избытки.
То щастье мало веселитъ
Котораго никто не знаетъ,
И радость вдвое тотъ вкушаетъ,
Кто радости съ другимъ дѣлитъ.

Не въ долгомъ времени Царевны къ ней предстали,
И обѣ Душеньку со щастьемъ поздравляли,
И за руку трясли, и крѣпко обнимали,
И радость изъявляли
Съ усмѣшкой на лицахъ,
Но ревность ядъ тогда простерла въ ихъ сердцахъ,
Втвердила въ мысли ихъ, какъ будто грѣхъ Натуры,
Что младшая сестра, за красоту свою,
Живетъ, господствуя, въ прекраснѣйшемъ раю;
Богини служатъ ей, Зефиры и Амуры.
Къ тому имъ Душенька сказала съ хвастовствомъ,
Что тамъ живетъ она въ союзѣ съ божествомъ,
И что супругъ ея любезнѣй Аполлона,
Прекраснѣй Купидона;
Что онъ, изъ смертныхъ всѣхъ красотъ
На выборъ взялъ ее въ супруги;
Что отдалъ ей во власть летучій свой народъ,
И всякія всегда ей дѣлаетъ услуги.
Такая похвала была ли безо лжи?
Читатель вѣдаетъ, когда кого мы любимъ,
О томъ съ прибавкой правду трубимъ.
« Да гдѣжь супругъ, скажи? . . . .
Не зная что сказать, Царевна тутъ запнулась,
Желала скрыть отъ сестръ сомнѣнныя дѣла,
И въ рѣчи заикнулась;
Хотя же, не могла
Разлуку съ нимъ оправить.
Сестры, отъ ревности, которая ихъ жгла,
Не преминули то въ умѣ себѣ представить,
Что Душенькинъ супругъ любезнѣйшій былъ Богъ;

Что въ сихъ блаженствахъ вышнихъ,
И видимыхъ и слышныхъ,
Ни злой, ни страшный Духъ присутствовать не могъ,
И то, чего онѣ не знали, не видали,
Легко отъ ревности себѣ воображали,
И тайно отъ сестры между собой шептали:
« За что супруга ей Судьбы на небѣ дали?
« А мы и на земли
« Едва въ простыхъ Царяхъ себѣ мужей нашли,
« И тѣ, какъ дѣды, стары,
« И намъ отнюдь не пары. »
И завистью дыша,
Царевны Душеньку нещадно тутъ хулили;
Впослѣдокъ говорили,
Что Душенька была отнюдь нехороша.

Коварна ненависть, судя повсюду строго,
Очей имѣетъ много,
И видитъ сквозь покровъ закрытыя дѣла.
И день, и два и три супругъ гостямъ неявенъ;
Тогда отверзла вслухъ уста свои хула:
« Конечно былъ супругъ недобръ, угрюмъ, злонравенъ,
« Конечно Душенька нещастлива была
« И сестръ неправыми словами обманула. »
Тогда Царевна воздохнула,
Потупила глаза, на сестръ своихъ взглянула,
И слезы тутъ себѣ въ улику пролила.
Тогда сестрамъ открыла,
Куда по днямъ ходила,
И гдѣ и какъ жила,

И произшествія подробно разсказала;
Но только лишь сказать не знала,
Каковъ и кто ея супругъ,
Колдунъ, иль змѣй, иль Богъ, иль Духъ.

Коварныя сестры, тогда съ лицемъ усмѣшнымъ,
Взглянулись межъ собой, и сей лукавый взглядъ
Мгновенно сообщилъ одинъ другому ядъ,
Который былъ прикрытъ доброжеланьемъ внѣшнымъ,
Онѣ, то съ жалостью, то съ гнѣвомъ и стыдомъ,
И съ нѣкимъ ужасомъ, сестрѣ внушить старались,
Что въ страшныхъ сихъ мѣстахъ быть долго опасались,
И что сначала имъ сомнителенъ былъ домъ;
Что въ немъ живутъ конечно змѣи,
Или злонравны чародѣи,
Которые, устроивъ рай
И всѣ возможныя забавы,
Манятъ людей въ сей страшный край,
Для сущей ихъ отравы.
Къ тому прибавили, что будто въ сторонѣ,
Поутру видѣли онѣ
Съ домоваго балкона,
Надъ гротомъ въ воздухѣ, подобіе Дракона;
И будтобъ тамъ леталъ съ рогами страшный змѣй,
И будтобъ изпускалъ онъ искры изъ ноздрей,
И въ рощѣ, наконецъ, склонясь у горъ къ партеру,
При ихъ глазахъ поползъ, сгибаючись, въ пещеру.
Царевны впослѣди вмѣшали въ разговоръ,
Имъ общій всѣмъ позоръ
На будущіе роды:

Что дѣти отъ нея должны быть всѣ уроды,
Иль чуды, съ коими неможно будетъ жить,
И кои будутъ міръ страшить.

Во многомъ Душеньку увѣрить было трудно;
Но правда, что она сама свой тайный бракъ
Почесть не знала какъ:
Ея замужство ей всегда казалось чудно.
За чѣмъ бы сей супругъ скрывался отъ людей,
Когдабъ онъ не былъ змѣй,
Иль лютый чародѣй?
Впослѣдокъ Душенька завѣрно положила,
Что нѣкая въ дому неистовая сила
Ее обворожила;
Что мужъ ея колдунъ, и могъ себя являть
Дракономъ, аспидомъ, и всякой видъ принять;
Но въ видѣ семъ онъ ей не могъ себя казать,
Чтобъ тѣмъ ее не испугать;
Что онъ не могъ имѣть ни вѣры, ни закона,
И хуже былъ Дракона.

Царевна, въ сей прискорбной часъ,
Забыла райскія утѣхи;
Замолкъ пріятныхъ пѣсенъ гласъ,
Уныли Радости и Смѣхи.
Злотворныхъ сестръ и рѣчь и взглядъ
Простерли мрачной скуки ядъ.
Амуры вдругъ вострепетали,
И съ плачемъ далѣ отлетали
Отъ сихъ любимыхъ имъ палатъ.

Царевна тамъ, одна съ сестрами,
Въ свободѣ продолжала рѣчь,
И непремѣнными судьбами
Сихъ словъ никто не могъ стеречь:

« Могуль я въ свѣтѣ жить, Царевна говорила?
« Постылъ мнѣ мужъ и жизнь постыла.
« Нещастна Душенька! ты мнила быть въ раю,
« И участь выше всѣхъ считала ты свою;
« Но, съ родомъ разлучась, и внѣ земнаго круга,
« Кого имѣешь ты супруга?
« Волшебный лишь призракъ,
« Который дѣлаетъ позорнѣйшимъ твой бракъ;
« И ужасаетъ всѣхъ сокрытымъ вѣроломствомъ.
« Кого впослѣдокъ ты должна имѣть потомствомъ?
« Чудовищь, аспидовъ, иль змѣй какихъ нибудь.
« Но естьли тако мнѣ предписано Судьбами,
« Скорѣе мечь вонжу въ мою нещастну грудь.
« Любезныя сестры! на вѣкъ прощаюсь съ вами.
« Скажите всѣмъ роднымъ, подробными словами,
« Что знали отъ меня и видѣли вы сами;
« Скажите, что я здѣсь неволею жила,
« Но волей умерла. »

Сестры, какъ бы уже за злобу казней ждали,
Совѣтами тогда Царевнѣ представляли,
Что красныхъ дней ея безвременный конецъ,
Отъ наглой хищности вселенну не избавитъ;
Что лютыхъ золъ ея невѣдомый творецъ,
Быть можетъ ихъ самихъ пожретъ или удавитъ;

И что, вооружась на жизнь свою она;
Должна, предъ смертью сей, какъ честная жена,
Въ удобный сонный часъ зарѣзать колдуна.
Но сей поступокъ былъ для Душеньки опасенъ,
Противенъ и ужасенъ;
Она во весь свой вѣкъ не рѣзала людей,
И жалость завсегда имѣла мѣсто въ ней;
И можетъ быть любовь, какой она стыдилась,
Въ груди ея таилась.
Убійственный совѣтъ Царевна получа,
Представила, въ словахъ мятущихся и косныхъ,
Что въ домѣ не было меча,
Ниже какихъ нибудь орудій смертоносныхъ;
И какъ убить въ ночи пустую только тѣнь,
Котора изчезаетъ въ день?
И гдѣ достать, къ сему наряду,
Съ огнемъ фонарь или лампаду?
Въ сіи печальны дни,
Зефиры съ вечера гасили всѣ огни.
Сестры то вѣдали, и смѣло отвѣчали
На Душенькину рѣчь,
Что тотчасъ принесутъ ей самый острый мечь,
И вмѣстѣ принести лампаду обѣщали.
Пріятна ли была ей ревность сихъ услугъ,
Примѣтить было льзя изъ словъ ея печальныхъ:
Прекрасна Душенька, тогда безъ мыслей дальныхъ,
Желала только знать, каковъ ея супругъ,
И взоры обращая къ саду,
Идущихъ сестръ своихъ просила много разъ,
Не позабыть лампаду.

Уже Зефирамъ данъ приказъ,
Нести сихъ сестръ къ земному шару,
Припрягши въ путь Бореевъ пару.
Онѣ, летя изъ міра въ міръ,
Мѣшаютъ съ воздухомъ эфиръ,
И съ бурею, дождемъ и громомъ
Являются предъ нѣкимъ домомъ:
То былъ Кащеевъ арсеналъ,
Гдѣ, съ самыхъ древнихъ лѣтъ, держался
Волшебный мечь или кинжалъ,
Которымъ Геркулесъ сражался,
Когда чудовищь поражалъ.
Сей мечь, единымъ сильнымъ махомъ,
У Гидры девять главъ отсѣкъ;
Сей мечь хранился тамъ подъ страхомъ,
И въ сказкахъ названъ Самосѣкъ.
Онъ въ крѣпкихъ былъ стѣнахъ закладенъ,
Но купленъ ли иль просто взятъ,
Иль былъ отъ толь тогда украденъ,
Писатели о томъ молчатъ.
Извѣстно только нынѣ въ свѣтѣ,
Что двѣ сестры потомъ въ полетѣ,
Съ лампаднымъ свѣтомъ, отъ земли,
Сей мечь на воздухъ унесли,
И послѣ нѣкакой дороги
Взнесли въ извѣстные чертоги,
Гдѣ Душенька ждала сестеръ;
А для пристойныхъ тамо мѣръ,
Потомъ навѣки съ ней простились,
И въ путь къ домамъ скорѣй пустились.

О естьлибь вѣдала нещастна Царска дочь,
Колико вредны ей сей мечь, сія лампада!
Амуры не могли какъ должно ей помочь;
Она бѣжала ихъ присутствія и взгляда,
И въ мысляхъ будущу имѣла только ночь.

Свѣтило дневное уже склонилось къ лѣсу,
Надъ домомъ черную простерла ночь завѣсу,
И купно съ темнотой
Ввела Царевнина супруга къ ней въ покой,
Въ которомъ крылося нещастно непокорство.
И естьли повѣсти не лгутъ,
Прекрасна Душенька употребила тутъ
И разумъ, и проворство,
И хитрость и притворство,
Какія свойственны женамъ,
Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
Скорѣе, какъ нибудь, даютъ покой мужьямъ;
По хитрости ли въ томъ Царевны успѣвали,
Иль самъ клонился къ сну грызеніемъ печали,
Онъ, мало говоря, спокоился, вздохнулъ,
Зѣвнулъ,
Заснулъ.

Тогда Царевна осторожно
Встаетъ, толь тихо, какъ возможно,
И низу, по тропѣ златой,
Едва касаяся пятой,
Выходитъ въ нѣкакой покой,
Гдѣ многія отъ глазъ преграды
Скрывали мечь и свѣтъ лампады.

Потомъ, съ лампадою въ рукахъ,
Идетъ назадъ, на всякой страхъ,
И съ предпріятіемъ печальнымъ,
Скрываетъ мечь подъ платьемъ спальнымъ;
Идетъ, и медлитъ на пути,
И ускоряетъ вдругъ ступени,
И собственной боится тѣни,
Боясь змѣя тамъ найти.
Межь тѣмъ въ чертогъ супружній входитъ;
Но кто представился ей тамъ?
Кого въ одрѣ своемъ находитъ?
То былъ . . . но кто? . . . Амуръ былъ самъ:
Сей Богъ властитель всей Натуры,
Кому покорны всѣ Амуры.
Онъ въ крѣпкомъ снѣ, почти нагой;
Лежалъ, разкинувшись, въ постелѣ,
Покрытъ тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой,
И частью лишь была на тѣлѣ.
Склонивъ лице ко сторонѣ,
Простерши руки обоюду,
Казалось, будтобъ въ ономъ снѣ
Онъ Душеньку искалъ повсюду.
Румянецъ розы на щекахъ,
Разсыпанной поверхъ лилеи,
И бѣлы кудри въ трехъ рядахъ,
Вьючись вокругъ бѣлѣйшей шеи,
И складъ и нѣжность всѣхъ частей;
Въ виду, во всей красѣ своей,

Иль кои крылися отъ вида,
Могли унизить Адонида,
За коимъ нѣкогда, влюбясь,
Сама Венера, въ дождь и въ грязь,
Бѣжала въ дикія пустыни,
Сложивъ величество Богини.

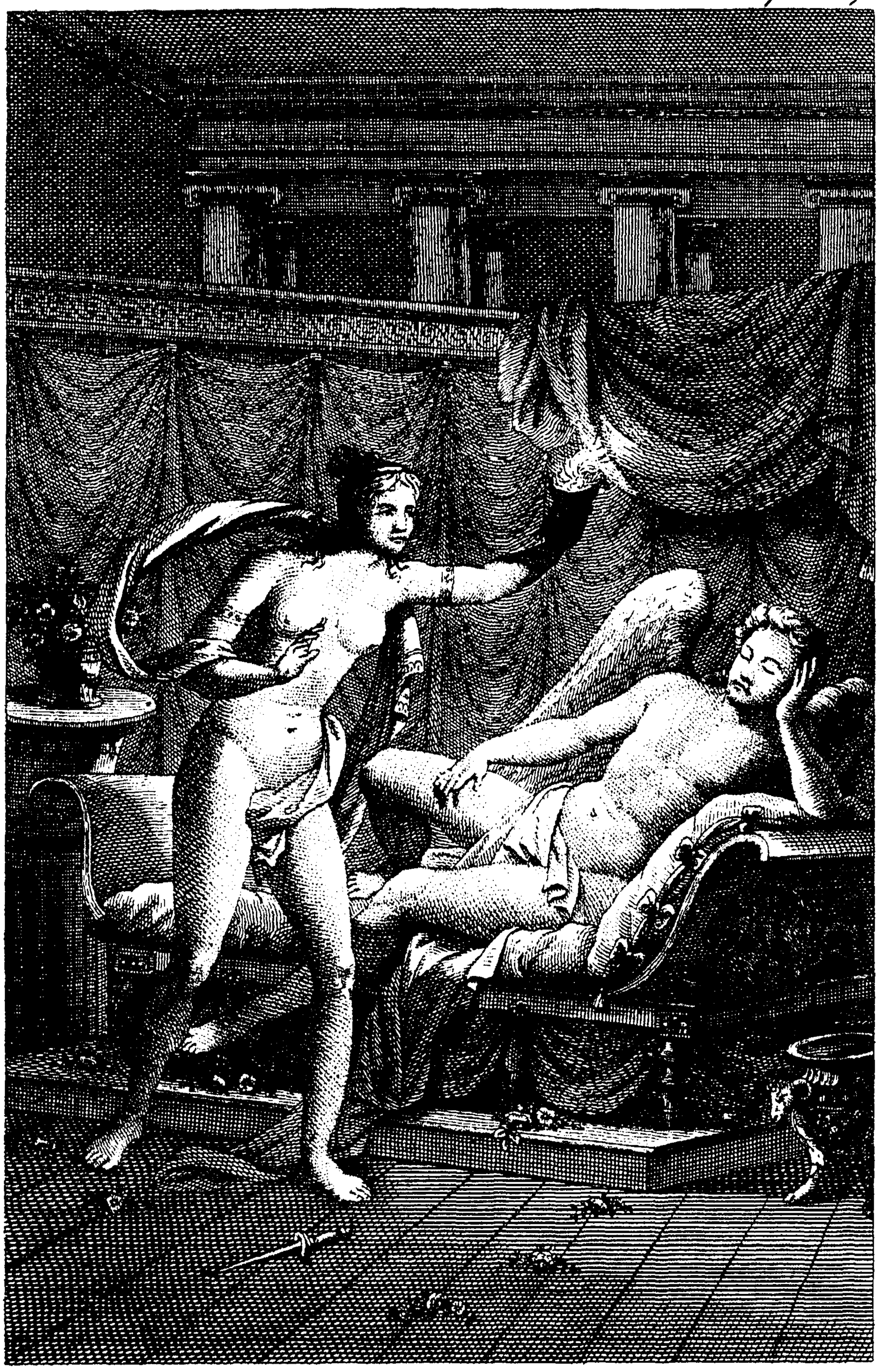
Таковъ являлся Богъ Амуръ,
Таковъ, иль былъ тому подобенъ,
Прекрасенъ, бѣлъ и бѣлокуръ,
Хорошъ, пригожъ, къ любви способенъ.
Но въ мысляхъ вольныхъ безъ препятствъ,
За сими краткими чертами,
Читатели представятъ сами,
Каковъ быть долженъ Богъ пріятствъ,
И Царь надъ всѣми красотами.

Увидѣвъ Душенька прекрасно божество,
Намѣсто аспида, котораго боялась,
Видѣніе сіе почла за колдовство,
Иль сонъ, или призракъ, и долго изумлялась;
И видя, наконецъ, какъ каждый видѣть могъ,
Что сей супругъ ея прекраснѣйшій былъ Богъ,
Едва не кинула лампады и кинжала,
Которымъ жизнь свою хотѣла окончать,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Какъ будтобъ никогда его не обнимала.

Но удовольствіемъ очей
Остановилась мысль любовна,
И Душенька тогда, недвижна и безсловна,
Считала ночь сію пріятнѣй всѣхъ ночей.
Она не разъ себя, тутъ въ мысляхъ обвиняла,
Смотря со всѣхъ сторонъ, что видѣть лишь могла,
Почто давно къ нему съ лампадой не пришла,
Почто сихъ прелестей толь долго не видала,
Почто о Богѣ семъ въ незнаніи была,
И дерзостно его за змѣя почитала.
Впослѣдокъ Царска дочь,
Въ сію пріятну ночь,
Дая свободу взгляду,
Приближилась, потомъ приближила лампаду,
Потомъ, нечаянной бѣдой,
При семъ движеніи, и робкомъ и несмѣломъ,
Держа огонь надъ самымъ тѣломъ
Трепещущей рукой,
Небрежно надъ бедромъ лампаду наклонила,
И, масла часть проливъ оттоль,
Ожогою бедра, супруга разбудила;
Онъ, чувствуя жестоку боль,
Вздрогнулъ, вскричалъ, проснулся
И, боль свою забывъ, отъ свѣта ужаснулся;
Увидѣлъ Душеньку, увидѣлъ также мечь,
Который изъ подъ плечь
Къ ногамъ тогда скользнулся;
Увидѣлъ онъ вины,
Или признаки винъ, зломысленной жены;

И тщетно тутъ она желала
Сказать всю бытность отъ начала;
Иль что въ поправку дѣлъ сказать ему могла:
Слова въ устахъ остановлялись;
И свѣтъ и мечь во всемъ уликою являлись,
И Душенька тогда, упадши, обмерла.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.



ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Бывала Душенька всѣхъ радостей душою,
Бывала Душенька большею госпожою;
Бывало въ прошлы дни, подъ кровомъ у небесъ,
Когда лишь капля слезъ
Изъ глазъ ея сверкнула,
Или бы Душенька о чемъ нибудь вздохнула,
Илибъ поморщилась, иль только бы взглянула,
Въ минутубъ, для ея услугъ,
Полки Духовъ явились вкругъ,
Съ водами, спиртами, изъ разныхъ краевъ свѣта;
И самъ бы Эскулапъ, хотя далеко жилъ,
Тотчасъ бы сысканъ былъ,
Пощупать, посмотрѣть, иль просто для совѣта,
И всюбъ свою для ней науку истощилъ.
Но вдругъ во всемъ Дворѣ разсѣялися слухи,
Что Душенька въ раю преслушала законъ,
И что ее за грѣхъ оставилъ Купидонъ:
Оставили ее и всѣ прислужны Духи.

Зефиры не были въ числѣ невѣрныхъ слугъ:
Сіи за Душенькой старинны волокиты,
Одни осталися изъ всей придворной свиты,
Которые вдали надъ ней летали вкругъ;
Но были такъ легки, какъ наши петиметры.
Зефиры были вѣтры:
Увидѣвъ красоты, что прежъ сего цвѣли,
Увидѣвъ ихъ тогда поблеклы, бездыханны,
Зефиры не могли
Быть долго постоянны,
И, кинувъ Царску дочь,
Летѣть пустились прочь.
Красавицы Двора, которы ей служили,
Хотя казалося объ ней тогда тужили,
Но каждая изъ нихъ имѣла красоты,
Имѣла собственны дѣла и суеты,
Стараяся, ища, ласкаясь, уповая,
Абось-либо творецъ прекраснѣйшаго рая,
Абось-либо сей Богъ веселій и утѣхъ,
Оставивъ Душеньку за шалость и за грѣхъ,
И, вспомнивъ древню ихъ преданность и услугу,
Впослѣдокъ кинетъ взоръ
На собственный свой Дворъ,
И, можетъ быть, изъ нихъ возметъ себѣ супругу;
И каждая, хваля начальницу свою,
Желала быть сама начальницей въ раю.
Амуры къ Душенькѣ всѣхъ болѣ склонны были,
По старой памяти всегда ее любили,
И, видя злую съ ней напасть,
Усердно ей помочь хотѣли;

Но вѣдая въ томъ вышню власть,
Къ ней близко подступать не смѣли,
Или то можетъ быть, они, предвидя впредь
Всѣ горести ея и скорби и печали,
Судили лучше ей въ сей долѣ умереть,
И ей изъ жалости тогда не помогали.
Они увидѣли, увы! въ тотъ самый часъ,
Зефирамъ, на вѣтру написанный приказъ . . .
Амуры съ Душенькой разстались, возрыдали,
И только взорами ее препровождали.
Зефиры Царску дочь обратно унесли
Изъ горнихъ мѣстъ къ земли,
Туда, откуда взяли;
И тамъ
Оставили полмертву,
Какъ будто лютымъ львамъ
И аспидамъ на жертву.

Умри, красавица, умри! твой сладкій вѣкъ
Съ минувшимъ днемъ уже протекъ.
Коль смерть тебя отъ бѣдъ грозящихъ не избавитъ,
Сей свѣтъ, въ которомъ ты равнялась съ божествомъ,
Отнынѣ для тебя наполненъ будетъ зломъ,
И всюду горести за горестьми представитъ;
Тебя на бѣдствія оставилъ Купидонъ.
Твой рай, твои утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи
Прошли какъ будто сонъ.

Кто сладки дни вкушалъ и сладкихъ дней лишился,
Тотъ болѣ вѣдаетъ ихъ цѣну и уронъ;
И болѣ, кто любя съ любимымъ разлучился,
И утѣшенія себѣ не чаетъ впредь,
Конечно моего не опорочитъ слова,
Что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.
Но гнѣвная Судьба къ ней толь была сурова,
Что сколь бы грозныхъ Паркъ на помощь не звала;
И какъ бы смерти ни искала,
Судьба судила такъ, чтобъ Душенька жила,
И въ жизни бы страдала.

По нѣсколькихъ часахъ;
Какъ, вымытый въ водахъ
Румяный ликъ Авроры,
Выглядывалъ на горы,
И Фебъ дружился съ ней на синихъ небесахъ,
Иль, такъ сказать, въ простыхъ словахъ;
Какъ день явился послѣ ночи,
Очнулась Душенька, открыла ясны очи,
Открыла . . . и едва опять не обмерла,
Увидѣвъ, гдѣ и какъ тогда она была.
На мѣсто божескихъ прекраснѣйшихъ селеній,
Гдѣ смѣховъ, игръ, забавъ и всякихъ слугъ соборъ,
Старались примѣчать и мысль ея и взоръ,
И ей услуживать, не ждавши повелѣній,
На мѣсто всѣхъ въ раю устроенныхъ чудесъ,
Увидѣла она, подъ сводами небесъ,
Вокругъ пустыню, гору, лѣсъ,
Пещеры аспидовъ, звѣриныя берлоги,

У коихъ нѣкогда жрецы, и сами Боги,
И самъ отецъ ея, сама Царица мать,
Оставили ее судьбы своей искать,
Искать себѣ четы, не вѣдая дороги;
Увидѣла она, при утренней зарѣ,
Въ ужасной сей пустынѣ,
На самой той горѣ,
Куда, по повѣстямъ, вездѣ извѣстнымъ нынѣ,
Ни звѣрь не забѣгалъ,
Ни птицы не летали,
И гдѣ, казалося, лишь страхи обитали,
Увидѣла себя, безъ райскихъ покрывалъ,
Лежащу въ платьицѣ простомъ и ненарядномъ,
Въ какое Душеньку, въ нещастьи безприкладномъ,
Оставивъ выкладки и всякіе махры,
Родные нарядили,
Когда наверьхъ горы
Ее препроводили.
Хотя же Душенька, привыкнувши къ бѣдамъ,
Ко страхамъ и нещастью,
Могла бы ожидать себѣ отрады тамъ,
Боговъ хранителей вездѣ присущной властью
И, вѣря всякимъ чудесамъ,
Моглабъ въ ихъ помощи легко себя увѣрить,
Могла бы тѣмъ свою печаль и скорбь умѣрить;
Но Душенька дотоль въ раю
Была супругою Амура,
И участь Душенька свою,
Грѣхомъ, утратила, какъ дура,
Утратила любовь превыше всѣхъ утѣхъ,

Любовь нѣжнѣйшаго любовника и друга,
Иль паче божества подъ именемъ супруга;
И чѣмъ сильнѣй она свой чувствовала грѣхъ,
Тѣмъ болѣ нѣжною любовью пламенѣла,
Сто кратъ она, въ поправку дѣла,
Прощенія просить хотѣла,
У мужа, у Боговъ, у каждаго и всѣхъ;
Но способовъ къ тому въ пустынѣ не имѣла:
Въ пустынѣ сей никто, ни человѣкъ, ни Богъ,
Ни видѣть слезъ ея, ни слышать словъ не могъ.

Амуръ въ сей часъ надъ ней невидимо взвивался,
Тая свою печаль, во мракѣ черныхъ тучь,
И естьли пронцалъ къ нему надежды лучь,
Надеждой Душеньку утѣшить онъ боялся.
Онъ тайно ею любовался,
Онъ, крадучись, ея поступки примѣчалъ:
Ее другимъ Богамъ въ сохранность поручалъ,
И, извиняючи въ ней скорость всякой вѣры,
Приписывалъ вину однѣмъ ея сестрамъ;
Извѣстно то, что онъ, по проискамъ Венеры,
Былъ долженъ Душеньку предать ея судьбамъ,
И что въ толико лютой части,
Спасая жизнь ея отъ злобствующей власти,
Какою ей тогда Венеринъ гнѣвъ грозилъ,
Противу склонности былъ долженъ ухищряться,
Противъ желанія былъ долженъ притворяться,
Какъ будтобъ онъ уже Царевну не любилъ.
Не смѣя же ей самъ явить свои прислуги,
Онъ Эху той округи

Строжайшій далъ приказъ,
Чтобъ Эхо всяку рѣчь Царевнину внимало,
И громко повторяло
Слова ея сто разъ.

«Амуръ, Амуръ!» Она отчаянно вскричала...
И можетъ быть что рѣчь еще бы продолжала,
Какъ нѣкій бурный шумъ средь облакъ, въ оный часъ,
На время прекратилъ ея плачевный гласъ.
На вопль отчаянной супруги,
Который поразилъ и горы и лѣса
Печальной сей округи,
Который Эхо тамъ, во многи голоса,
Несло на перехватъ подъ самы небеса,
Амуръ, предавшися движенью нѣжной страсти,
Забывъ жестоку боль бедра,
И все что было съ нимъ вчера,
Едва не позабылъ всю грозу вышней власти,
Едва не бросился съ высокихъ облаковъ
Къ ногамъ возлюбленной, безъ всякихъ дальнихъ словъ,
Съ желаньемъ навсегда отнынѣ
Оставить пышности небесъ,
И съ нею жить въ глухой пустынѣ,
Хотябъ то былъ дремучій лѣсъ;
Но вспомнивъ нѣжный Богъ, въ жару своихъ желаній,
Всю тщетность, наконецъ, сихъ лестныхъ упованій,
Всю гибель Душеньки, строжайшимъ ей судомъ
Грядущую потомъ,
Умѣрилъ страсть свою, вздохнулъ, остановился,
И къ Душенькѣ съ высотъ во славѣ онъ спустился;

Предсталъ ея очамъ,
Предсталъ . . . и такъ, какъ Богъ явился,
Но въ угожденіе Венерѣ и судьбамъ,
Воззрѣлъ на Душеньку суровыми очами,
И, будто жалости не вѣдая во вѣкъ,
Онъ, гнѣвнымъ голосомъ, съ презоромъ произрекъ,
Отнынѣ участь ей предписанну Богами:
« Имѣй — сказалъ онъ ей — отнынѣ госпожу,
« Отнынѣ будешь ты Венериной рабою;
« Ей Боги дали власть повелѣвать тобою . . . .
« Но злобныхъ сестръ твоихъ я болѣ накажу. »

« Амуръ, Амуръ! » Опять Царевна возгласила. . . .
Но онъ при сихъ словахъ,
Не внемля, что она прощенія просила,
Сокрылся въ облакахъ;
Сокрылся, и потомъ въ небесный путь пустился,
И болѣ не явился.

Болтливы эхи дальнихъ мѣстъ,
Которы, можетъ быть, наукой отъ Венеры,
Подслушивали рѣчь изъ ближней тамъ пещеры,
И видѣли его свиданье и отъѣздъ,
Впослѣдокъ разнесли такую въ міръ огласку,
За быль или за сказку,
За правду иль прилогъ,
Что будто, чувствуя жестокую ожогу,
Амуръ прихрамывалъ на раненую ногу,
И будто бы сей Богъ,
Сбираясь къ небесамъ въ обратную дорогу,

Лучемъ своимъ и самъ Царевну опалилъ,
И множество древесъ симъ жаромъ повалилъ.
Но какъ то ни было, любови нѣжной сила,
Иль паче нѣкая невидимая власть,
Умноживъ лютую Царевнину напасть,
Умножила ея мучительную страсть;
Супружню всю она суровость позабыла,
И всѣхъ надеждъ лишась, тѣмъ болѣе любила
Супруга, коего безумно оскорбила.

Чего ей ждать тогда осталось отъ Небесъ?
Проливъ въ отчаяньи потоки горькихъ слезъ,
Наполнивъ воплями окружный долъ и лѣсъ,
« Прости, Амуръ, прости! » Царевна вопіяла;
И въ тотъ же часъ лихой,
Узрѣвъ бездонную тамъ пропасть подъ горой,
Съ вершины броситься въ ту пропасть предпріяла:
Пошла, заплакала, съ платочкомъ на глазахъ,
Вздохнула, ахнула, и бросилась въ размахъ.

Амуръ оставилъ ли Зефировъ безъ наказа;
Велѣлъ ли Душеньку стеречь на всѣхъ горахъ:
Читатель можетъ самъ увидѣть то въ дѣлахъ.
Въ тотъ часъ и въ тотъ моментъ, усердный Скоромахъ;
Зефиръ, старинный другъ при аерныхъ путяхъ,
Увидѣвъ Душеньку въ толь видимыхъ бѣдахъ,
Не ждавъ себѣ о томъ особаго приказа,
Оставилъ всѣ дѣла въ высокихъ небесахъ,
Тряхнулъ крыломъ, порхнулъ три раза,
И Душеньку тогда, летящую на низъ,
Прикрылъ воскриліемъ своихъ воздушныхъ ризъ,

Отъ всякой наглости толпы разносторонной,
Какъ должно подхватилъ,
Какъ должно отдалилъ
Отъ пропасти бездонной,
И тихо положилъ
На мягкихъ муравахъ долины благовонной.
Онъ воздухъ тихимъ тамъ дыханьемъ разтворилъ,
Боремъ дерзкимъ дуть надъ нею запретилъ,
И долго прочь не отходилъ,
Забывъ свою любезну Флору;
Скорбѣлъ, что скоро путь свершилъ,
Что долго Душенькѣ не могъ служить въ подпору.

Увидѣвъ тамъ она себя на муравахъ,
Невѣдомыми ей судьбами,
И кустъ ясминный въ головахъ,
Межь разными вокругъ цвѣтами,
Такую истину сперва за сонъ почла;
И щупала себя, въ сомнѣніи и въ дивѣ,
И долго вѣрить не могла,
Чтобъ, кинувшись, была
Еще на свѣтѣ вживѣ.
Забывшися потомъ,
Заснула крѣпкимъ сномъ:
Но видѣлаль во снѣ, что было съ ней доселѣ,
Худоель, доброель на дѣлѣ,
Супруга на горѣ, иль спящаго въ постелѣ,
Иль грозную его разгнѣванную мать:
Историки о томъ забыли написать;
А только дали знать,

Что Богъ Амуръ надъ нею
Велѣлъ тогда летать
Сподѣтелю Морфею,
И сномъ продлить ея покой,
Зефира отославъ домой.
Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, что сонъ и вся натура
Въ то время правились указами Амура.
Амуръ, который зрѣлъ Царевны скорбь и трудъ,
Амуръ, содѣтель чудъ,
Легко содѣлать могъ, чтобъ Душенька уснула,
И сномъ бы отдохнула;
И можетъ быть она, возненавидѣвъ свѣтъ,
Къ небытію была влекома въ сей пустынѣ,
Какъ узникъ иногда, уставъ отъ мукъ и бѣдъ,
Чрезъ сонъ старается приближиться къ кончинѣ.
Но какъ бы ни было, по нѣсколькихъ часахъ,
Влюбленный Купидонъ, не спя на небесахъ,
И охраняючи нещастную супругу,
Рѣшился прекратить Морфееву услугу.
Проснулась Душенька, открыла томный взоръ . .
Но, вспомнивъ свой позоръ,
Глаза отъ свѣта отвращала,
Цвѣты и травы вновь слезами орошала,
И камнямъ и лѣсамъ унывно возвѣщала,
Что болѣ жить она на свѣтѣ не желала.
« Не буду долѣ жить!
« Приди, о смерть, ко мнѣ, приди!» она вопила;
Но смерть, хотя ее Царевна торопила,
Отказывалась ей по должности служить.
Курносо чучело съ плѣшивой головою,

Отъ вида всего трепещетъ всяка плоть,
Явилось къ ней тогда съ предлинною косою,
Но только лишь траву косить или полоть,
Гдѣ Душенька могла ступеньки поколоть.
Увидѣвъ, наконецъ, что смерть отъ ней бѣжала,
Насильно Душенька скончать свой вѣкъ искала:
« Зарѣжуся! » вскричала;
Но не было у ней кинжала,
Ниже другаго острія,
Удобнаго пресѣчь нещастну жизнь ея.
Читатель вѣдаетъ, безъ всякой дальней справки,
Что Душенька предъ симъ,
Летя съ горы на низъ, повытрясла булавки,
Чудеснымъ дѣйствіемъ иль случаемъ простымъ.

Въ сей крайности она, не размышляя болѣ,
Искала камней въ полѣ,
И острый камень, какъ нибудь
Вонзить себѣ хотѣла въ грудь.
Казался край тогда ея нещастной долѣ,
Нашлися остры камни тамъ,
Но Душенька велась не къ смерти, къ чудесамъ:
Лишь только возметъ камень въ руки,
То камень претворится въ хлѣбъ,
И вмѣсто смертнаго успокоенья муки,
Являетъ ей припасъ снѣдаемыхъ потребъ.
Когда же смерть отнюдь ее не хочетъ слушать,
Хоть свѣтъ ей былъ постылъ;
Потребно было ей, ко укрѣпленью силъ,
Ломотикъ хлѣбца скушать.

Потомъ, смотря на лѣсъ, на пропасти безъ дна,
На небо и на травку,
И вновь смотря на лѣсъ, умыслила она
Другую смерть себѣ, а именно: удавку.
Въ старинны времена,
Такая смерть была почтенна и честна.
У Турковъ и поднесь за смерть блаженну ставятъ,
Когда кого за грѣхъ не рѣжутъ, а удавятъ.
Нерѣдко Визири и главные въ полкахъ,
И сами тамъ Султаны,
За собственны свои или другихъ обманы,
Кончаютъ свой животъ въ ошейныхъ осилкахъ.
Хотяжь въ другихъ мѣстахъ
Не ставятъ въ честь удавку,
И смертью таковой казнятъ однихъ плутовъ,
Но ищущій конца на всяку смерть готовъ,
И Душенькина смерть не шла въ позоръ и въ явку.
Желала бы она
Скончаться лучше ядомъ;
Но вся сія страна,
Гдѣ смерть была запрещена,
Казалась райскимъ садомъ;
Казалася сотворена
Для пользы илѣ веселья,
И тщетно былобъ тамъ искать лихова зелья.
Равно же изгнанъ былъ оттолѣ всякой гадъ,
Въ какомъ бываетъ ядъ.
И такъ, нельзя дивиться,
Что Душенька тогда хотѣла удавиться.
А гдѣ, и чѣмъ, и какъ,

По многимъ повѣстямъ остался вѣрный знакъ:
Вблизи тамъ росъ дубнякъ,
Й были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.
На Душенькѣ тогда былъ аленькой платокъ,
Который съ бѣлыхъ плечь спускался возлѣ бокъ.
Нещастна Душенька, не въ многія минуты,
Неся на смерть красу;
Явилася въ лѣсу;
Не въ многія минуты,
Кончая скорби люты,
И, плачась на судьбу,
Явилась на дубу.
Тамъ, выбравъ крѣпкій сукъ, послѣдній шагъ ступила,
Свой аленькой платокъ, какъ должно, прицѣпила,
И въ петлю Душенька головушку вложила:
О чудо изъ чудесъ!
Потрясся долъ и лѣсъ!
Дубовый сукъ, на чемъ Царева дочь повисла,
Съ почтеніемъ къ ея прекрасной головѣ
Погнулся такъ, какъ прутъ, изросшій въ вешни числа,
И здраву Душеньку поставилъ на травѣ;
И всѣ тогда суки, на низъ влекомы ею,
Иль сами волею своею,
Шумѣли радостно надъ нею,
И, съединяючи концы,
Свивали разны ей вѣнцы.
Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,
И Душенькинъ покровъ въ верьху остановился.
Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ

Другое чудо изъ чудесъ;
И горы всклинкнули, толь громко, какъ возможно,
Что Душенька была прекраснѣй всѣхъ неложно;
И самъ Амуръ тогда, смотря изъ облаковъ,
Ихъ рѣчи утвердилъ, любуяся безъ словъ.

Межъ тѣмъ какъ Душенька въ живущихъ оставалась;
Какъ бытностью ея натура красовалась,
Представился еще ей новый смерти родъ,
Которымъ чаяла окончить свой животъ:
Не могши къ дубу прицѣпиться,
Она рѣшилась утопиться.
Рѣка
Была недалека.
Тамъ, съ берега крутова,
Гдѣ дно скрывалось подъ водой,
Въ слезахъ, не вымолвивъ ни слова,
На смерть пустилась снова:
Но вдругъ, противною судьбой,
Поѣхала она на щукѣ шехардой;
И, ѣхавъ тамъ по верьхъ лiющейся дороги,
Мочила Душенька лишь только хвостъ и ноги.
Къ храненiю ея прибавленъ былъ конвой:
Другiя тутъ же щуки,
Наукой отъ Боговъ; иль просто безъ науки,
Собравшися, какъ должно, въ строй,
Отъ всякихъ случаевъ Царевну ограждали,
И въ путь съ плесканiемъ ее препровождали.
Иные говорятъ,
Что будто вмѣсто щукъ тамъ видѣли Наядъ,

Что тамъ Наяды эскадрономъ
Явились къ Душенькѣ съ поклономъ;
Не знаю правдаль то, лишь нѣтъ сомнѣнья въ онемъ,
Что нѣкія тогда, изъ сихъ Наядъ, иль рыбъ,
Которыхъ родъ съ рѣкой отъ времени погибъ,
Бывъ нѣкогда въ раю подъ щастливымъ закономъ,
За Душенькою вновь спѣшили въ слѣдъ догономъ,
Въ старинномъ ихъ строю,
Признать въ ней прежнюю владычицу свою:
Забывъ, что Богъ прекрасна рая,
Съ тѣхъ поръ, какъ райску жизнь въ ничто преобратилъ,
Ихъ, будто бы за грѣхъ карая,
Служить на волю разпустилъ.
Нещастна Душенька, сколь много ни старалась
Въ рѣчномъ потокѣ утонуть,
Но щукою неслась благополучно въ путь,
И съ берега она къ другому добиралась,
Гдѣ тщетно жизнь, потомъ, кляла,
И тщетно снова смерть звала;
На зовъ пловучій сонмъ вопилъ единогласно,
Что Душенька въ бѣдахъ,
Безъ пользы и напрасно
Стремится кончить жизнь въ водахъ;
Что Боги пусть продлятъ ея прекрасны годы,
И что ее на смерть отнюдь не примутъ воды.
Остался, наконецъ, одинъ лишь смерти родъ,
Который Душенька еще не испытала:
Еще себя она надеждою питала,
Что, можетъ быть, огнемъ скончаетъ свой животъ.

Вдали у берега тамъ нѣкой дымъ курился:
Ко смерти новый путь открылся,
И Душенька пошла на дымъ;
И случаемъ тогда, видущимъ иль слѣпымъ,
Нашла себѣ дрова, раскладенныя въ ямѣ,
Горящія во пламѣ.
Хозяинъ оныхъ дровъ
Былъ старый рыболовъ;
Въ ладьѣ своей на ловъ
Отъѣхалъ вдаль въ то время.
Царевна жизни бремя
Легко могла пресѣчь:
Могла себя тамъ сжечь,
Въ пустомъ и чистомъ полѣ,
На самой полной волѣ.
Никто бы вытащить не могъ ее оттолѣ,
Когда бы Небеса,
Отъ смертнаго часа
Ее не отдалили,
И новы чудеса
Надъ ней не сотворили.
Она, сказавъ ко всѣмъ прощательную рѣчь,
Лишь только бросилась во пламенную печь,
Какъ вдругъ невидимая сила
Подъ нею пламень погасила.
Мгновенно дымъ изчезъ, огонь и жаръ потухъ,
Остался лишь въ кострѣ потребный теплый духъ,
За тѣмъ, чтобъ Душенька тамъ ножки осушила,
Которые въ водѣ недавно замочила.
Узрѣвъ себя она безвредну на дровахъ,

Вскричала громко: ахъ!
Сей гласъ раздался на волнахъ,
Восколебались тамо воды,
Всплеснулись рыбѣ различны роды,
Взвернулась трижды вкругъ
Ладья у рыболова;
И все то сталось вдругъ
Отъ Душенькина слова.
Не знаю волеюль, на сей внезапный крикъ,
Въ ладьѣ своей старикъ
Назадъ стремился къ бѣгу,
Иль чудомъ въ верьхъ воды несло его ко брегу;
Но знаю, что потомъ вскруженный старый дѣдъ,
Взглянулъ на близь своей повѣши,
Забылъ преклонность поздныхъ лѣтъ,
Пустилъ изъ рукъ рыбачьи сѣти.
Прыгнулъ изъ лодки ко дровамъ,
И палъ къ Царевниным ногамъ;
Хотя не вѣдалъ съ нею чуда,
Ни кто она была,
За чѣмъ туда пришла,
Какимъ путемъ, откуда.

« О праотецъ земныхъ родовъ,
« Иль сынъ, конечно, праотцовъ! » —
Царевна къ старцу вопіяла —
« Ты помнишь бытность всѣхъ временъ
« И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ.
« Скажи, какъ свѣтъ стоитъ съ начала,
« Встрѣчалось ли когда кому

« Нещастье равно моему?
« Я рѣзалась и въ петлю клалась,
« Топилась и въ огонь бросалась,
« Но въ горькой участи моей,
« Прошедъ сквозь огнь, прошедъ сквозь воду,
« И, всѣми видами смертей,
« Приведши въ ужасъ всю Природу,
« Противъ желанія живу,
« Безсмертіе имѣю въ муку
« И тщетно смерть къ себѣ зову.
« Подай мнѣ помощи ты руку:
« Скончай мой вѣкъ, мнѣ свѣтъ постылъ.»

Но кто ты? Старецъ вопросилъ.
« Я Душенька . . . люблю Амура . . . »
Потомъ, заплакала, какъ дура;
Потомъ, безъ дальнихъ словъ,
Заплакалъ вмѣстѣ рыболовъ,
И съ ней взрыдала вся Натура.
Потомъ, сказалъ ей тотъ же дѣдъ,
Что смерть она напрасно чаетъ,
Что смерти ей на свѣтѣ нѣтъ;
Но что еще она не знаетъ
Всю строгость ей грозящихъ бѣдъ:
Что злоба гнѣвной къ ней Богини
Проникла въ самыя пустыни,
Что каждому въ примѣръ и въ страхъ,
Во всѣхъ подсолнечныхъ мѣстахъ,
Уже ея вины открыты,
И грамоты о ней прибиты

Въ распутіяхъ и во вратахъ.
Притомъ старикъ роптал въ слезахъ,
Что злобѣ попускаютъ Боги;
И, строгую виня судьбу,
Повелъ Царевну онъ къ столбу,
Гдѣ ближнія сошлись дороги.
Тамъ Душенька сама прочла
Прибитый листъ въ большую мѣру;
А что она въ листѣ нашла,
Скажу по точному манеру:

« Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
« И Душеньку Амуръ, Венерѣ въ стыдъ, хвалилъ;
« Она же Душенька румяны унижаетъ,
« Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ,
« И всяку красоту повсюду обижаетъ;
« Она же Душенька, имѣя стройный станъ,
« Прелестные глаза, пріятную усмѣшку;
« Богиню красоты не чтитъ и ставитъ въ пѣшку;
« Она же взорами творитъ сердцамъ изъянъ,
« Богиней рядится и носитъ хвостъ въ три пяди:
« Того или иваго ради,
« Венера каждому и всѣмъ,
« Огнѣвѣ на нее своемъ,
« По должной формѣ, извѣщаетъ,
« И всяку милость обѣщаетъ,
« Тому, кто Душеньку на срокъ
« Къ Венерину лицу представитъ.
« А буде, кто ее оправитъ,
« Противу силы оныхъ строкъ,

« Иль буде, гдѣ ее укроетъ,
« Иль поводъ дастъ укрыться ей:
« Тотъ вѣкъ грѣха сего не смоетъ,
« Ни самой кровію своей. »

Всплеснула Душенька руками,
Прочтя толь грозныя слова!
« О Боги! видите вы сами! » —
Вопили камни и древа —
« На то ли Душенька жива?
« На толь одарена красами?
« И чѣмъ виновна передъ вами,
« Когда родилась такова? »

Уже тогда весь міръ читалъ о ней сыскную,
Весь міръ о ней равно жалѣлъ:
Иной бранилъ Богиню злую,
Другой сыскную драть хотѣлъ.
Изъ должности одни Цитерскіе пролазы
Твердили по утрамъ о Душенькѣ приказы,
Которы всякъ потомъ охотно забывалъ,
И Душеньку, кто могъ, охотно укрывалъ.
Но какъ то ни было, бояся ли пролазовъ,
Бояся ли приказовъ,
Водималь старикомъ,
Иль собственнымъ умомъ,
Впослѣдокъ Душенька за благо разсудила,
Просить о помощи начальнѣйшихъ Богинь;
Щастливѣебъ она Боговъ о томъ просила,
Но со-дня, какъ въ раю Амура полюбила,

По мысли никого въ Богахъ сыскать не мнила:
Тотъ дерзокъ былъ, тотъ трусъ, тотъ гордъ,
тотъ подлый шпынь;
И, можетъ быть, она въ то время находила,
Въ верховнѣйшихъ Богахъ немалу часть разинь.

Вначалѣ Душенька пошла просить Юнону,
Которая тогда, оставивъ небеса,
За мужемъ бѣгала, и въ горы и въ лѣса,
Въ ней Душенька найти могла бы оборону,
Но та сама въ тѣ дни свою имѣла грусть:
Юнону, хоть любилъ Юпитеръ по закону,
Любя другихъ, не могъ къ ней вѣрности соблюсть;
Вездѣ по свѣту волочился,
Былъ грубъ, былъ дикъ,
Какъ вепрь, иль быкъ,
И часто подъ дождемъ по цѣлымъ днямъ мочился.
Впослѣдокъ до ушей Юноны слухъ проникъ,
Что подлиннымъ быкомъ къ Европѣ онъ явился
И подлиннымъ дождемъ къ Данаѣ онъ спустился,
Забывъ отца Боговъ достоинство и чинъ.
Для множества такихъ причинъ,
И, можетъ быть за тѣмъ, какъ видѣла Юнона,
Что Душенька сама
Могла Юпитера содѣлать безъ ума,
« Поди » — сказала ей Богиня вышня трона —
« Проси о дѣлѣ Купидона,
« Или поди проси другихъ:
« А мнѣ довольно бѣдъ своихъ. »

Царевна, по народной вѣрѣ,
Пошла съ прошеніемъ къ Церерѣ.
Въ тѣ дни сбирался хлѣбъ съ полей,
И хлѣбодатная Богиня
Тогда у всѣхъ своихъ являлась олтарей;
Тогда на всѣхъ лилась отъ ней
Щедрота, милость, благостыня;
Но доступъ для сего къ Церерину лицу,
Дозволенъ только былъ жрецамъ или жрецу;
И кто къ Богинѣ шелъ, для прозьбы иль вопроса,
Не могъ услышанъ быть безъ жертвы и приноса;
А Душенька была въ то время всѣхъ бѣднѣй,
И не было тогда у ней
Отцовскихъ денегъ, ни перстней.
Возненавидѣвъ жизнь, какъ знаютъ всѣ, дурила,
И добрымъ людямъ ихъ дорогой раздарила.
Остался у нее пастушій сарафанъ,
Который былъ ей данъ
Разумнымъ рыболовомъ,
Чтобъ въ семъ нарядѣ новомъ
Укрыть ее отъ бѣдъ, хотя черезъ обманъ;
Осталась красота, о коей всѣ трубили;
Но красоты чужой Богини не любили,
И, имъ послѣдуя жрецы, извѣстно то,
Отмѣнный даръ красотъ вмѣняли ни во что.
Жрецы тогда ее, до будущаго лѣта,
Отправили оттоль безъ всякаго отвѣта.

Въ сей скорби Душенька, привыкши въ даль ходить,
Минерву чаяла на жалость преклонить.

Богиня мудрости тогда на Геликонѣ
Имѣла съ Музами ученѣйшій совѣтъ
О страшномъ нѣкакомъ наклонѣ
Бродящихъ близь земли кометъ,
Которы долгими хвостами
Трясли надъ многими мѣстами,
И Аполлоновъ путь
Грозили въ міръ запнуть.
На все же, что тогда Царевна представляла,
Безъ всякой жалости Богиня отвѣчала,
Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ,
Что въ обществѣ она неважной человѣкъ,
А паче какъ хвостомъ комета всѣхъ сшибаетъ,
На Душеньку тогда взирать не подобаетъ.

Къ Діанѣ Душенька явить не смѣла глазъ:
Богиня та любви не вѣдала заразъ:
Со свитой чистыхъ дѣвъ, къ свободѣ устремленныхъ
Въ невинной вольности, нося колчанъ и лукъ,
Пускаясь быстро въ бѣгъ, любя проворство рукъ,
Гонялась за звѣрьми въ пустыняхъ отдаленныхъ.
Никто ея еще не нарушалъ забавъ,
Еще не видѣла она Ендиміона,
И строгостью себѣ предписанна закона
Лишилабъ Душеньку всѣхъ милостей и правъ.

Куда идти? Ещель къ Минервѣ иль Церерѣ?
Поплакавъ Душенька, пошла къ самой Венерѣ.
Провѣдала она, бродя по сторонамъ,
Что близко отъ пути, въ пріятнѣйшей долинѣ,

Стоялъ извѣстный храмъ,
Съ надвратной надписью: «Прекраснѣйшей Богинѣ.»
Нерѣдко въ сихъ мѣстахъ утѣхъ всеобщихъ мать,
Мірскихъ суетъ слагая бремя,
Любила отдыхать.
Туда отъ разныхъ странъ народъ, во всяко время,
Толпой стекался воздыхать.
Иные шли туда Богиню прославлять,
Другіе къ милостямъ признаніе являть,
Другіежъ ихъ просить, иль просто погулять.
Но Душенька, въ сіе стеченіе народа,
Избравъ тишайшій часъ
И, кроясь всячески отъ всѣхъ стороннихъ глазъ,
Со трепетомъ рабы туда искала входа.
Одною лишь въ бѣдахъ
Надеждой утѣшалась,
Что, можетъ быть, она, хоть вольности лишалась,
Увидитъ въ сихъ мѣстахъ
Съ Венерой Купидона
И, забывая страхъ
Къ ней строгаго закона,
Вдавалась въ сладости различныхъ лестныхъ думъ,
Какими упоенъ бываетъ страстный умъ.
Въ сихъ мысляхъ Душенька приближилась ко храму,
И тамъ, задумавшись, едва не впала въ яму,
Куда, отъ разныхъ жертвъ, за дворъ
Сметался въ кучу всякой соръ.
Но впрочемъ всѣ мѣста казались тамо садомъ,
И благовонная тамъ падала роса,
На мирту, на лимонъ, на всяки древеса,
И храмъ курился вкругъ душистымъ всякимъ чадомъ.

По сказкамъ знаютъ всѣ, что шелковы луга,
Сытовая вода, кисельны берега,
Богинѣ красоты всегда принадлежали;
И по долинѣ тамъ дороги окружали.
Издревлѣ Богъ войны
Далъ строгой всѣмъ приказъ, въ угодность сей Богинѣ;
Чтобъ вѣчно въ той долинѣ,
Трубы военной звукъ не рушилъ тишины:
Тамъ самы дики звѣри
Къ овцамъ ходили въ двери;
А овцы, позабывши страхъ,
Гуляли съ ними на лугахъ,
И съ самой вольной простотою
Питались киселемъ съ сытою;
На вѣки въ животѣ,
Въ здоровьи, въ красотѣ.
Живуща тварь не убивалась,
Насильствомъ кровь не проливалась,
Невѣдомъ былъ тамъ жалобъ гласъ,
И вся Природа, всякой часъ,
Согласіемъ сочетавалась.
Въ срединѣ сихъ луговъ,
И водъ и береговъ,
Богининъ храмъ стоялъ межъ множества столповъ.
Сей храмъ, отъ всѣхъ сторонъ являлъ два разныхъ входа,
Особо для Боговъ,
Особо для народа.
Преддверія, врата, и храмъ и олтари,
И каждая ихъ часть, и каждая фигура,
И обще вся архитектура,

Снаружи и внутри,
Изображали видъ игриваго Амура,
Иль видъ забавъ и торжества
Властительнаго тамъ прекрасна божества.
Венеры чудное рожденіе изъ пѣны,
И всяка съ нею быль пріятная въ чертахъ,
Особо видѣлись въ картинахъ и въ коврахъ,
Какими изнутри покрыты были стѣны.
Во внутренности тамъ различныхъ олтарей,
Различны дани приносились,
Отъ всѣхъ наукъ, отъ всѣхъ искусствъ и всѣхъ затѣй,
И знатныхъ и простыхъ людей,
Которы всѣ въ число достойнѣйшихъ просились.
Иной, желая пріобрѣсть,
Любовью къ нѣкой Музѣ, честь,
И данью убѣдить любовницу скупую,
Привѣсилъ во углѣ цѣвницу золотую.
Другой, себѣ избравъ,
По праву иль безъ правъ,
Въ любовницы Палладу
И, чтяся получить лавровъ вѣнецъ въ награду,
Привѣсивъ ко столбу
Серебряну трубу.
Иной, ища любви несклоннѣйшей Алкмены,
Во храмѣ разпестрилъ живымъ письмомъ всѣ стѣны.
Но дани приносимы въ храмъ,
Не по богатству иль чинамъ
Могли казаться тамо къ стати;
И часто тамъ простой пастухъ,
Неся Богинѣ въ дань усердный только духъ,

Предпочитаемъ былъ блистательнѣйшей знати.
На среднемъ олтарѣ,
Подъ драгоцѣннѣйшимъ отверзстымъ балдахиномъ,
Стоялъ Богининъ ликъ, особымъ нѣкимъ чиномъ,
Во всей порѣ,
Во всей красѣ и въ полной славѣ,
Въ подобной, какъ она, на нѣкакой горѣ,
Явилась, въ прежни дни, къ Парисовой расправѣ,
И споръ между Богинь рѣшила красотой.
Сей ликъ былъ, нѣкою чудесною рукой,
Изъ мрамора изсѣченъ,
И послѣ въ образецъ художества примѣченъ.
Носился въ мірѣ слухъ, что будто Праксипель
Оттуда взялъ модель,
И точно по примѣру,
Явилъ намъ въ первый разъ во всей красѣ Венеру.
Никто изъ вшедшихъ въ храмъ не могъ, или не смѣлъ,
Не преклонять колѣнъ предъ симъ прекраснымъ ликомъ,
И каждый, какъ умѣлъ,
Богинѣ гимны пѣлъ,
Въ усердіи глуша одинъ другаго крикомъ.
Надъ храмомъ извивался рой
Амуровъ, Смѣховъ, Игръ, Зефировъ,
Которы, всякою порой,
Туда слеталися отъ всѣхъ возможныхъ міровъ.
Въ летучемъ ихъ строю,
И тѣ при храмѣ были,
Которые въ раю
При Душенькѣ служили.
Въ сей часъ они опять, надъ прежней госпожой

Въ невѣденьи летали,
Рѣзвились и журчали;
Но Душенька тогда, подъ длинною фатой,
Подъ длиннымъ сарафаномъ,
Для всѣхъ была обманомъ;
Вошла во храмъ съ толпою въ рядъ,
И стала къ сторонѣ у самыхъ первыхъ вратъ.

Отъ робости иль она сихъ мѣстъ не примѣчала,
Иль, помня прежнюю блаженну жизнь свою,
Когда сама была Богинею въ раю,
Полками разныхъ слугъ сама повелѣвала,
И пѣсни и хвалы сама отъ всѣхъ слыхала;
Сей храмъ напослѣди за рѣдкость не считала,
Читатель можетъ то рѣшить по волѣ самъ.
Но въ храмѣ лишь едва лице свое открыла,
Въ минуту на себя всѣхъ очи обратила:
Возволновался храмъ,
Умолкли гимны тамъ,
Пресѣклись жертвъ приносы,
И всюду слышались лишь вѣсти иль вопросы.
Я прежде не сказалъ,
Что весь народъ Венеру,
Въ сей день, по слуху, ждалъ
Изъ Пафоса въ Циперу.
По видужь Душеньки, согласно весь народъ,
Одинъ другому въ ротъ,
Шепталъ за новы вѣсти:
« Венера здѣсь тайкомъ! . . .
« Бѣжитъ отъ всякой чести! . . .

« Венера за столбомъ! . . .
« Венера подъ платкомъ ! . . .
« Венера въ сарафанѣ ! . . .
« Пришла сюда пѣшкомъ ! . . .
« Во храмъ вошла тишкомъ ! . . .
« Конечно съ пастушкомъ ! . . . »
И весь народъ въ обманѣ,
Предъ Душенькою вдругъ колѣна преклонилъ.
Жрецы, со множествомъ курящихся кадилъ,
Воздѣвъ умильно длани,
Просили Душеньку принять народны дани,
И съ милостью воззрѣть
На всяки нужды впредь.

Въ сіе волненіе народа,
Возникла вдругъ молва у входа,
Что истинная тамъ Богиня всѣхъ красотъ,
Ведя съ собою вкругъ Амуровъ хороводъ,
Имѣя яблоко Парисово въ десницѣ,
Со всею славою , въ блестящей колесницѣ ,
Сама изъ Пафоса ко храму прибыла,
И вдругъ при сей молвѣ Венера въ храмъ вошла.
Но кто представитъ живо,
Въ словахъ или чертахъ,
Богининъ гнѣвъ, народный страхъ,
И общее во храмѣ диво ,
И болѣ Душеньку въ невинномъ торжествѣ,
При самомъ храма божествѣ.
Вотще Царевна тутъ всѣхъ обще увѣряла,
За чѣмъ туда пришла,

И кто она была:
Большая часть людей отъ ней не отставала,
Забывъ, что въ храмъ сама Венера прибыла.
Богиня, сѣвъ на тронъ, и скрывъ свою досаду,
Колико скрыть могла,
Оставила въ сей день другія всѣ дѣла,
И тотъ же часъ приказъ дала,
Представить Душеньку во внутреннюю преграду.

« Богиня всѣхъ красотъ! не сѣтуй на меня!» —
Рекла къ ней Душенька, колѣна преклоня —
« Я сына твоего прельщать не умышляла;
« Судьба меня, Судьба во власть къ нему послала.
« Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
« Дивятся за всегда малѣйшей красотѣ.
« Сама искала я упасть передъ тобою,
« Сама желаю быть твоею я рабою,
« И въ милость только то прошу себѣ напредь;
« Чтобы всегда могла твои я очи зрѣть.»

Я знаю умыслъ твой — Венера ей сказала —
И тотчасъ, кончивъ рѣчь,
Съ Царевной къ Пафосу отъѣхать предпріяла;
Притомъ съ насмѣшкой приказала
Въ пути ее беречь.
Сажаютъ Душеньку въ особу колесницу,
Запрягши въ путь сорокъ станицу;
А для бесѣды съ ней, какъ будто ей чета,
Садятся тутъ же рядомъ,
Четыре Фуріи изверженныя адомъ,

Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.
Оставимъ разговоръ сихъ Фурій ухищренныхъ,
И скажемъ, наконецъ, къ какимъ трудамъ она,
Венерой въ Пафосѣ была осуждена,
При разныхъ службахъ повелѣнныхъ.

Изъ многихъ дѣлъ и словъ,
Въ умахъ напечатлѣнныхъ,
Извѣстно мщеніе Боговъ,
Во гнѣвѣ раздраженныхъ.
Нерѣдко сильные, пріявъ на небѣ власть,
Безсильныхъ побораля,
Чернили и марали,
И все, что только бы могло предъ ними пасть,
Ногами попирали.
Въ щастливѣйшихъ вѣкахъ,
Конечно нѣтъ примѣра
Такому мщенію, какое всѣмъ во страхъ,
Противу Душеньки, умыслила Венера:
Умыслила свою умножить красоту,
А Душеньку привесть сколь можно въ дурноту,
Чтобъ всѣ отъ Душеньки впослѣдокъ отвращались,
И только бы одной Венерою прельщались.

Не знаю въ первый день, иль лучше въ перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня въ мщеніи, послала Царску дочь
Принесть чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Извѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:

Кто первую попьетъ — здоровье получаетъ,
Вторую кто попьетъ — здоровье потеряетъ;
Но къ симъ водамъ лишь тотъ доходитъ, кто щастливъ.
Пошла Царева дочь, тогда безъ дальня чина,
Какъ должно, прицѣпивъ
Подъ плечи два кувшина,
Пошла на всѣ труды,
Искать такой воды.
Пошла: куда? И кто съ ней будетъ провожатымъ?
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ,
И тотчасъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ,
Поднять и перенесть Царевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ, по склонности, прильнулъ,
Ей на ухо шепнулъ,
Что воды окружаетъ
Большой и толстой змѣй, свернувшись вкругъ кольцомъ,
И никого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,
Какъ развѣ напоитъ кто змѣя питьецомъ.
При семъ ее снабдилъ онъ нѣкакою флягой,
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой,
И змѣю рѣчь сказавъ, въ змѣино горло влить.
Когдажь на питьецо свою онъ пасть разинетъ,
Онъ голову съ хвостомъ легко потомъ раздвинетъ,
И Душенька найдетъ себѣ свободный путь,
Живуюль, мертвуюль тамъ воду почерпнуть.
Не въ долгомъ времени Царевна путь скончала:
Чрезъ нѣсколько минутъ явилася у водъ,

И вспомнивъ весь совѣтъ, предъ змѣемъ рѣчь сказала;
Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:

« О змѣй Горыничь Чудо-Юда!
« Ты сытъ во всяки времена,
« Ты ростомъ превзошелъ слона,
« И видомъ краше ты верблюда;
« Ты всяку здѣсь имѣешь власть;
« Блестишь златыми чешуями,
« Широко раззѣваешь пасть,
« И можешь всѣхъ давить когтями.
« Содѣлай край лихимъ бѣдамъ,
« Пусти ты Душеньку къ водамъ.»

Хвалы и титулы плѣняютъ всяки уши,
И движутся отъ нихъ жестоки самы души;
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
Горыничь пасть разинулъ,
Хлебнулъ изъ фляги питьеца
Заснулъ, и голову съ хвостомъ тогда раздвинулъ,
Открылись разныхъ водъ и рѣки и пруды:
Въ свободѣ Душенька, попивъ живой воды,
Забыла всѣ труды
И вдругъ здоровѣй стала.
Въ ней нова красота въ то время возблистала,
И къ умноженью лишь соперницѣ досадь,
Съ водой она явясь назадъ,
Предъ ней какъ роза процвѣтала.
Впослѣдокъ Душеньку, Богиня умышляла
Заставить мертву воду пить;

Но просто случаемъ, иль чудомъ, можетъ быть,
Кувшинъ съ лихой водой разбился,
И умыслъ въ дѣло не годился.

Богиня видѣла изъ таковыхъ чудесъ,
Что помощь Душенька имѣетъ отъ Небесъ,
Или, точнѣй сказать, отъ самаго Амура;
Но вѣстно было ей,
Что пагубой людей
Обилуетъ Натура:
Послала Душеньку еще въ другой походъ,
Въ надеждѣ, что она скончаетъ тѣмъ животъ,
Или хоть будетъ жить, но будетъ безъ красотъ.

Въ саду, гдѣ жили Гесперидыи,
Читатель вѣдаетъ, что нѣкогда росли
Златыя яблоки, иль просто златовиды,
И сей чудесный садъ драконы стерегли.
Въ томъ самомъ иль въ другомъ саду, въ близи Атласа,
Жила напослѣди Царевна Перекраса.
Потомству всѣ ея невѣдомы дѣла;
Но всякъ о томъ слыхалъ, что подлинно была
Сихъ чудныхъ мѣстъ она Богиня иль Царица,
И въ сказкахъ на Руси слыла,
Какъ всѣмъ извѣстно, Царь-Дѣвица.
О красотѣ ея имѣетъ весь народъ
Изъ повѣстей доводъ:
Златыя яблоки она по вся-дни ѣла,
Извѣстно, что отъ нихъ краснѣла и добрѣла;
Но ради страховъ тамъ и трудностей дорогъ,

Коснуться къ яблокамъ никто другой не могъ.
Хоть не было тогда драконовъ тамъ, ни змѣя,
Однако садъ сей былъ подъ стражею Кащея,
Который самъ, какъ стражъ, въ немъ яблокъ не вкушалъ
И никого отнюдь ихъ ѣсть не допускалъ,
А естьли приходилъ, кто яблокъ сихъ покушать,
Тотъ прежде долженъ былъ его загадки слушать;
Когда же кто не могъ загадокъ отгадать,
Того, изжаривши, обыкъ онъ послѣ жрать.
Венера, вѣдая сихъ строгихъ мѣстъ законы,
По коимъ властвуютъ Кащей или драконы,
Послала Душеньку тѣхъ яблокъ доставать.
Зефиръ явилъ ей вновь потребную услугу,
И чтобъ холодный вѣтръ не могъ ее встрѣчать,
Пустился съ ней въ сей путь по Югу;
Шепнулъ ей на ухо, какую рѣчь сказать,
Какъ должно на вопросъ Кащею отвѣчать,
Потомъ подъ деревомъ подставить только полу,
А яблоки тогда скатятся сами къ долу;
И можно будетъ ей, тогда оставивъ садъ,
Съ добычею летѣть назадъ,
И яблокъ золотыхъ вкусить по произволу.

Не въ долгомъ времени, не въ день, въ единый часъ,
Явилась Душеньна къ Кащею взять приказъ;
Поклонъ, какъ должно, сотворила;
Какъ должно, рѣчь проговорила;
Но свѣту рѣчи сей,
Ниже того, что ей
Загадывалъ Кащей,

Она не сообщила.
Извѣстны только намъ послѣдственны дѣла,
Что службу Душенька вторую сослужила;
Что въ новой красотѣ предъ прежнимъ процвѣла,
И горшія себѣ напасти навела.

Къ успѣху мщенія, пришло во умъ Богинѣ,
Отправить Душеньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ:
Велѣвъ искать самой во Адъ себѣ пути,
И нѣкакой оттоль горшечикъ принести.
Притомъ нарочно ей Венера наказала,
Горшечка чтобъ она отнюдь не открывала.
Зефиръ, не мѣшкавъ, далъ полезный ей совѣтъ,
Идти въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ;
Сказалъ, что ей въ лѣсу представится избушка;
Въ избушкѣ тамъ сидитъ старушка;
Старушка ей вручитъ волшебный посошокъ,
И отведетъ ее въ кушокъ;
Въ кушкѣ покажетъ въ низъ ступени,
По коимъ въ Адъ низходятъ тѣни;
И Душенька тогда, лишь ступитъ девять разъ,
Къ Плутону въ области окончитъ всю дорогу;
А къ безопасности отъ страховъ, тотъ же часъ
Откроетъ на показъ
Свою прекрасну ногу;
И можетъ въ послѣди безстрашно говорить
Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ;
Письмо вручить,
Горшечикъ получить,
И службу, надлежащимъ рядомъ,

Исправно совершить:
Послѣдуя сему закону,
Пошла Царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ,
Нашла подземный сходъ, ступила девять кратъ,
Сошла тотчасъ во Адъ,
Явилась ко Плутону.

Возволновался мрачный край,
Не ждавъ посольства отъ Венеры.
Тризевны въ Тартарѣ Церберы
Распространили страшный лай;
Но Душенька въ сію тревогу
Едва открыла только ногу,
Какъ вдругъ умолкла адска тварь.
Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартаръ началъ таять,
Подземна царства темный Царь,
Который возлѣ Прозерпины,
Дремалъ съ надеждою на слугъ,
Смутился тщиною вдругъ,
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ . . . начавши рѣчь, запнулся,
И съ роду первый разъ
Въ то время улыбнулся.

Узрѣвъ толь сильную посольску полну-мочь,
Какую при письмѣ казала Царска дочь,
А паче на нее воззрѣніе Плутона,
Богиня адска трона

Велѣла ей скорѣй пресѣчь
Пристойную на случай рѣчь,
И по письму вручивъ горшечикъ ей приватно,
Ее, безъ дальныхъ словъ, отправила обратно.

Царевна, наконецъ, могла бы какъ нибудь,
Окончить щастливо и сей подземный путь;
Но другъ ея Зефиръ, сначала,
Какъ видно, бѣдъ не предузналъ,
И ей особо не сказалъ,
Чтобы горшечка не вскрывала.
Царевна много разъ
Въ пути остановлялась,
Желала видѣть внутрь, и въ тотъ же самый часъ
Желанію сопротивлялась.
Напослѣди, смотря и въ стороны и въ слѣдъ,
И до двора уже не много не дощедъ,
Венеры заповѣдь, и гнѣвъ и страхъ презрѣла,
Открыла кровельку, въ горшечикъ посмотрѣла.
Оттуда, случаемъ лихимъ,
Внезапно вышелъ черный дымъ.
Сей дымъ, за сильной густотою,
Зефиры не могли отдуть;
И бѣлое лицо, и вскрыта бѣла грудь
У Душеньки тогда покрылись чернотою.
Она старалась пыль платкомъ съ себя стирать:
Но чѣмъ при треніи трудилася сильнѣе,
Тѣмъ дѣлалась чернѣе,
Какъ будто бы платкомъ могла себя марать.
Надѣялась, потомъ, хоть какъ нибудь водою,
Прошедшую себѣ доставить красоту;

Но чудною бѣдою,
Прибавила еще, обмывшись, черноту;
И къ токамъ чистыхъ водъ когда лице склонила,
Они служили ей въ замѣну лищь зерцала:
Смотряся въ нихъ, лишь вновь увѣрила себя,
Что темностью она была подобна сажѣ;
Иль просто, такъ сказать, красу свою сгубя,
Была Араповъ гаже.

Въ семъ видѣ, Царска дочь
Стыдилась всякой встрѣчи,
И, слыша всяки рѣчи,
Отъ всѣхъ бѣжала прочь.
Для бѣлыхъ рукъ ея, въ народѣ вышла сказка,
Что будто бы она таилась отъ людей,
И будто бы на ней
Была лишь только маска.
Иные, ей въ посмѣхъ,
Давали странный образъ дѣлу,
И увѣряли всѣхъ,
Что Боги, будтобъ ей за грѣхъ,
Арапску голову пришили къ бѣлу тѣлу.
Простой же весь народъ,
Любуяся ея и видомъ и осанкой,
Дивился въ ней еще собранію красотъ,
И звалъ ее тогда прекрасной Африканкой;
Но Душенька сей видъ
Себѣ имѣя въ стыдъ,
То шею, то лицо платочкомъ закрывала,
И въ горести тогда куда идти не знала:
Идти ли ей, потомъ, на смѣхъ и на позоръ,

Обратно въ домъ къ Венерѣ,
Или къ роднымъ во дворъ?
Но можетъ ли ихъ взоръ,
За точну Душеньку признать ее по вѣрѣ?
Осталось только ей, сокрыть себя тогда
Въ какой нибудь пещерѣ,
Гдѣбъ люди никогда
Не видѣли ея горчайшаго стыда,
И тамъ зарыть себя живую,
Чтобы скорѣе тѣмъ окончить участь злую.

Амуръ жестокость золъ подобно ощущалъ;
Онъ всѣ ея бѣды иль видѣлъ или зналъ.
Но для чего ее оставилъ онъ безъ стражи,
Когда она несла горшечикъ адской сажи?
Читатель сей вопросъ рѣшитъ, конечно, самъ:
Угодно было такъ Судьбамъ,
Угодно было такъ Венерѣ,
Чтобъ Душенька была черна,
Чтобъ Душенька была дурна,
И крылась отъ людей въ пещерѣ.
Амуръ отверженъ былъ въ Цитерѣ;
И въ небѣ бывъ тогда безъ силъ,
Бѣду нарочно попустилъ,
Чтобъ тѣмъ обезоружить злобу,
Котора Душеньку могла привесть ко гробу.

Для рѣдкости сихъ дѣлъ,
Повсюду міръ шумѣлъ
О родѣ Душенѣки, объ участи, о лѣтахъ,
О всѣхъ ея примѣтахъ.

Дошла, впослѣдокъ, вѣсть,
Чрезъ слухъ, иль какъ ни есть,
Къ сестрамъ ея коварнымъ,
Что Душенька въ раю, съ супругомъ лучезарнымъ,
Недолго пожила;
Что изгнана оттоль за нѣкаки дѣла,
И что, напослѣди, скитаяся безъ дѣла,
Изсохла, подурнѣла,
И страшно почернѣла.
Онѣ устроили на случай торжество,
И громко всѣмъ трубили,
Что Душеньку вездѣ грѣхи ее губили,
И что за то ее караетъ божество.

Превратнымъ разумамъ, любови существо
Невѣдомо и странно.
Сестры Царевны сей,
Навлекши скорби ей,
И, славя всѣмъ ея пороки безпрестанно,
Отнюдь не мыслили, во мракѣ клеветы,
Чтобъ Душенька, лишась наружной красоты,
Могла Амуромъ быть любима постоянно.
Амуръ, дотоль ея напастьми отвлеченъ,
Всѣ мысли устремлялъ къ единому лишь виду,
Какъ будто бы забылъ отъ сестръ ея обиду;
Но наглость ихъ, потомъ, преобратилъ имъ въ казнь:
На торжество сихъ сестръ нарочнаго отправилъ,
Который отъ него, какъ должно, ихъ поздравилъ,
Благодаря притомъ за дружбу и пріязнь,
Прибавилъ, что Амуръ любовью къ нимъ пылаетъ,
И съ нетерпѣніемъ увидѣть ихъ желаетъ,

И только ждетъ, безъ дальнихъ словъ,
Чтобы онѣ, взошедъ на каменную гору,
Какая выше всѣхъ представится ихъ взору,
Оттуда бросилися въ ровъ;
И что потомъ Зефиръ минуты не утратитъ,
Тотчасъ летящихъ ихъ подхватитъ,
Помчитъ наверхъ въ небесный край,
И прямо ихъ поставитъ въ рай;
А тамъ имъ всякія Амуръ явитъ услуги,
Намѣрясь купно ихъ обѣихъ взять въ супруги.

Услышавъ толь пріятну рѣчь,
Сестры Царевнины отъ радости вскружились:
Скорѣй коней велѣли впречь,
Въ богаты платья нарядились,
Не прочили бѣлилъ, ни мушекъ, ни румянъ,
Опрыскались водами,
Намазались духами,
Хулили Душеньку за дерзость и обманъ;
Отправились къ горѣ, и тамъ, съ крутой вершины,
Спѣшили броситься въ стремнины;
Но ихъ Зефиръ потомъ наверхъ не подхватилъ,
А дулъ, какъ видно, только въ тылъ,
И въ райское онѣ жилище не попали,
Лишь головы себѣ сломали.

Карая тако злость, межъ тѣмъ прекрасный Богъ,
Подробну вѣдомость имѣлъ со всѣхъ дорогъ,
Отъ всѣхъ лѣсовъ и горъ, гдѣ Душенька являлась;
И, свѣдавъ, что она,
Отъ всѣхъ удалена,

Въ срединѣ горъ скрывалась,
Донесъ Богамъ о томъ сполна:
Донесъ, что Душенька была уже черна,
Суха, худа, дурна;
И упросилъ тогда смягченную Венеру,
Чтобъ было, наконецъ, дозволено ему,
Открыто самому,
Явиться къ Душенькѣ въ пещеру.

Но какъ представился тогда его очамъ,
Предметъ любови постоянной?
Нещастна Душенька, въ печали несказанной,
Не ѣла, не пила, не зрѣла свѣта тамъ.
Читатель долженъ знать сначала,
Что Душенька тогда лежала;
Но бокомъ, иль ничкомъ,
Спала, или дремала,
Не вѣдаю о томъ,
И не хочу искать свидѣтельства для вѣры;
Лишь знаю, что она лежала на фатѣ,
У входа сей пещеры,
Скрывая голову въ пещерной темнотѣ;
А часть оставшая являлась въ красотѣ
На зрѣлище предъ входомъ;
И быть тогда могла признакомъ и доводомъ,
Когдабъ любовный Богъ,
О точности вещей имѣть сомнѣнье могъ.

Зефиры видѣли и свѣту возвѣстили,
Что Душеньку Амуръ издалека узналъ,
И что, подшедъ, у ней онъ руку цѣловалъ;

Но скоро ихъ изъ глазъ обоихъ упустили.
Проснувшись Душенька тогда
Взглянула, ахнула, закрылась отъ стыда,
Уйти въ пещеру торопилась,
И тамо наконецъ съ Амуромъ изъяснилась,
Невѣдомо въ какихъ словахъ.
А только вѣдомо, всему земному кругу,
Взаимное отъ нихъ прощеніе другъ другу,
Во всѣхъ досадахъ и винахъ.

Амуръ потомъ, при всей свободѣ,
Велѣлъ публиковать въ народѣ,
Старинну грамоту, котору самъ Зевесъ,
Въ утѣху всѣхъ дурныхъ, на землю далъ съ Небесъ;
И всюду, слово въ слово,
Та грамота тогда твердилася за ново:
« Что время дѣлаетъ прекрасный видъ худымъ,
« Что внѣшній блескъ въ очахъ преходитъ такъ какъ дымъ,
« Но красота души свой образъ сохраняетъ,
« Всегда влечетъ умы, всегда сердца плѣняетъ. »

Слова сіи Амуръ твердя повсюду самъ,
Представилъ грамоту Венерѣ и Богамъ,
И вмѣстѣ съ грамотой онъ Душеньку представилъ,
Котору въ черномѣ дурною онъ не ставилъ.
Юпитеръ покачавъ
Разумной головою,
Амуру далъ уставъ,
По силѣ старыхъ правъ,
Чтобъ вѣкъ плѣнялся онъ душевной красотою,
И Душенька былабъ всегда его четою.

Сама Богиня красоты,
Изъ жалости иль тогда иль нѣкакой тщеты,
Какъ то случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ее сноха,
Терпѣніемъ своимъ очистясь отъ грѣха,
Наружну красоту обратно получила.
Богиня нѣкакой росой ее умыла:
И стала Душенька полна, цвѣтна, бѣла,
Какъ прежъ сего была.
Амуръ и Душенька другъ другу равны стали,
И ихъ тогда на вѣкъ всѣ Боги сочетали.
Отъ нихъ родилась дочь, прекрасна такъ какъ мать;
Но какъ ее назвать
Въ Россійскомъ языкѣ, писатели не знаютъ,
Иные дочь сію Утѣхой называютъ,
Другіе Радостью и Жизнью, наконецъ;
И пусть, какъ хочетъ всякъ мудрецъ,
Зоветъ ее на свой особый образецъ.
Не премѣняется названіемъ Натура:
Читатель знаетъ то, и знаетъ весь народъ,
Каковъ быть долженъ плодъ
Отъ Душеньки и отъ Амура.

КОНЕЦЪ.